

В лесу стояла тишина.
И вдруг — ракета в небеса!
Так началась в лесу война
И продолжалась два часа.

Два часа отваги,
Два часа тревоги,
В пионерском плане
„Галочка“ в итоге.

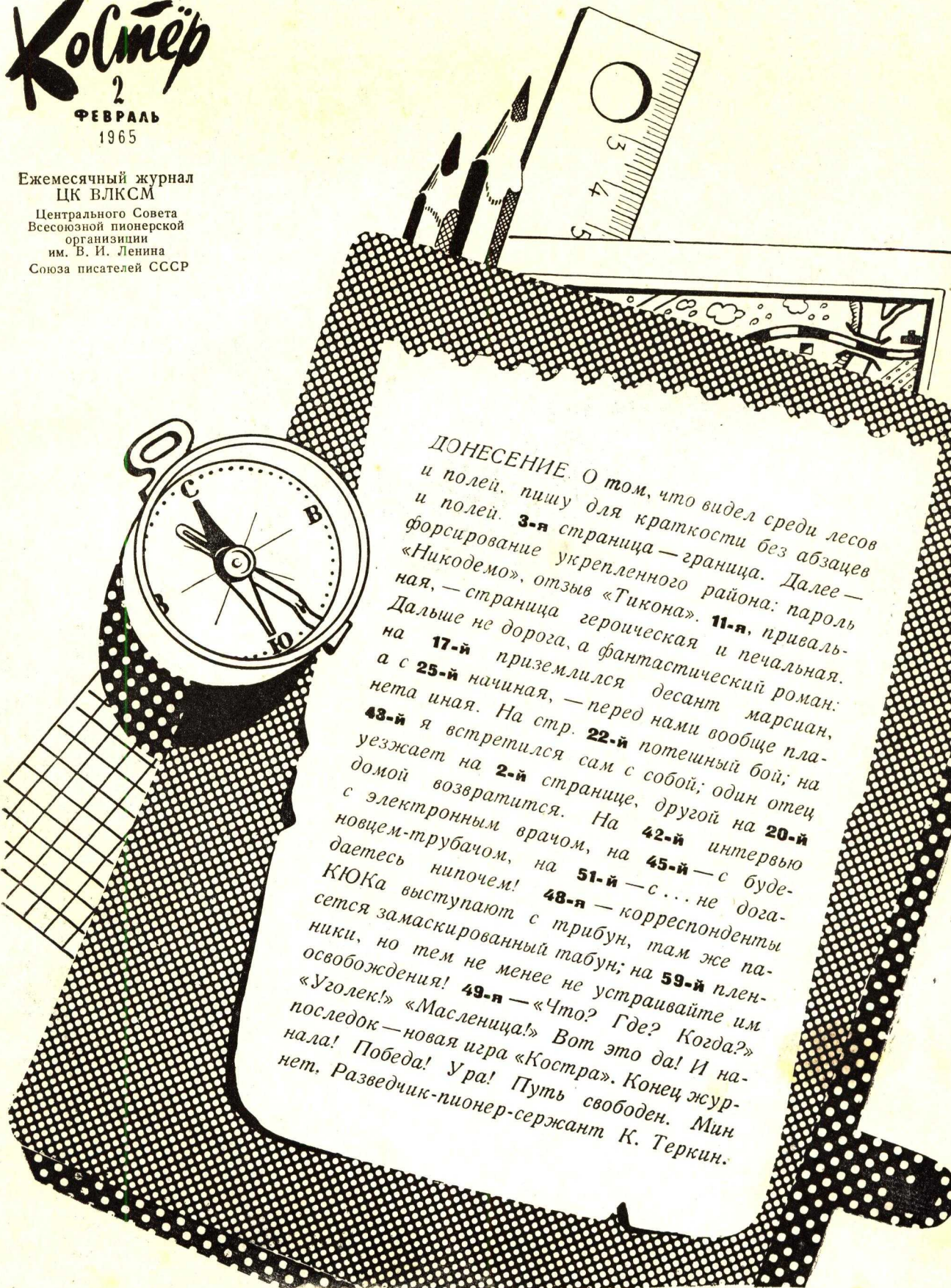
А что стоит за „галочкой“
Рассказать вам рад
Зоркий /и внимательный
Фотоаппарат.

Фоторепортаж „Битва при Хеппо-Ярви“ ты найдешь на 22 странице:

Костёр

2
ФЕВРАЛЬ
1965

Ежемесячный журнал
ЦК ВЛКСМ
Центрального Совета
Всесоюзной пионерской
организации
им. В. И. Ленина
Союза писателей СССР

ДОНЕСЕНИЕ. О том, что видел среди лесов и полей, пишу для краткости без абзацев и полей. **3-я** страница — граница. Далее — форсирование укрепленного района: пароль «Никодемо», отзыв «Тикона». **11-я**, привальная, — страница героическая и печальная. Дальше не дорога, а фантастический роман: на **17-й** приземлился десант марсиан, а с **25-й** начиная, — перед нами вообще планета иная. На стр. **22-й** потешный бой; на **43-й** я встретился сам с собой; один отец уезжает на **2-й** странице, другой на **20-й** с электронным врачом, на **42-й** интервью новцем-трубачом, на **45-й** — с будагуетесь ничем! **48-я** — корреспонденты КЮКа выступают с трибун, там же палятся замаскированный табун; на **59-й** пленники, но тем не менее не устраивайте им «Уголек!» «Масленица!» Вот это да! И напоследок — новая игра «Костра». Конец журнала! Победа! Ура! Путь свободен. Минет, Разведчик-пионер-сержант К. Теркин.

ТРЕВОЖНЫЙ ЧЕМОДАН

РАССКАЗ

*Василь Хомченко
Рисунки Н. Харкевича*

Под отцовской кроватью стоит чемодан в зеленом чехле из молескина. Внутри на крышке список вещей, что лежат в чемодане. А вверху надпись: «Чемодан, который берется по тревоге». Михаська называет его короче: тревожный чемодан.

Однажды, когда Михаська остался дома один, он открыл чемодан и стал рассматривать, что там.

В чемодане было все для дальней и скорой дороги. Пара чистого белья, носки, щетки, мыло, иголка с нитками, носовые платки. Был там и фонарик-жучок: сожмешь его, он гудит, как жук, и светит. А еще были там ложка, вилка, новые сапоги и белые подворотнички...

Когда ночью прибежал посыльный и кричал за дверью «товарищ майор, тревога!», отец быстро одевался, хватал чемодан и спешил в часть.

Домой отец возвращался в тот же день или на завтра. Но иногда его не было целую неделю, а то и больше. Это означало, что отец отправился в дальнюю дорогу: летел со своими солдатами на самолете или ехал на поезде, на машине, и тревожный чемодан был с ним. И ночевал где-то в лесу, а чемодан был с ним. Потому что это очень нужный чемодан. Открывалась, скажем, пуговица, — пожалуйста, достань из чемодана иголку и нитки и пришивай. Привез повар обед, — котелок и ложка в чемодане. Побриться нужно, — на дне чемодана бритва и зеркальце...

Михаська выложил из чемодана все вещи. Носовые платочки и подворотнички приготовила мама. Коробочку разноцветных карандашей отдал отцу Юрка, старший Михаськин брат. И машинка карандаши чинить — Юркина. Только ничего Михаськиного не было в чемодане. Михаська стал думать, что бы такое положить в тревожный чемодан? Ножик? У отца есть складной, со штопором и шилом. Спички? В чемодане их три коробка. И наконец придумал: конверты — письма писать.

Из тетради в клетку Михаська сделал пять конвертов, на одном написал свой домашний

адрес и свою фамилию. На листочке бумаги старательно вывел: «Дорогой папа! Когда поедешь по тревоге надолго, пришли мне письмо, потому что мне скучно без тебя. Напиши, когда вернешься домой. Я тебя встречу». Потом все вещи, конверты и записку положил в чемодан.

В ту же ночь прибежал солдат, постучал в дверь, крикнул: «Товарищ майор, тревога!» Отец быстро оделся, схватил чемодан и вышел.

На третий день, в воскресенье, Михаська проснулся поздно. Поднял голову и увидел рядом с подушкой письмо. Конверт знакомый — из бумаги в клетку, тот, что сам сделал. Он разорвал конверт и прочитал письмо.

«Дорогой мой сын Михась, — писал отец. — Спасибо тебе за конверты. Они мне очень пригодились. Даже не хватило. Нахожусь я от дома далеко. Но ты не скучай. Скоро приеду и привезу тебе подарок.

Будь здоров, мой будущий солдат. Твой отец».

Прочитал Михаська письмо и обрадовался. Обрадовался потому, что отцу понадобились его конверты, потому, что он привезет подарок, и, самое главное, — скоро придет сам.

И еще думал Михась, что письмо это отец писал на тревожном чемодане. И подарок он привезет тоже в этом чемодане.

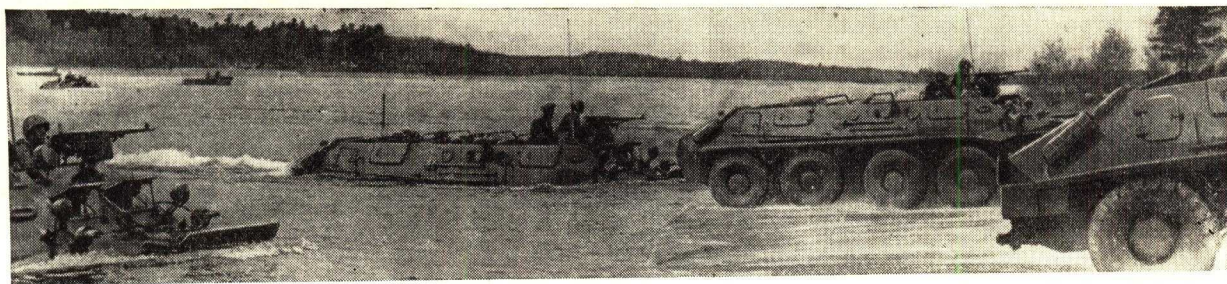
Перевела с белорусского В. Михайловская

НА ГРАНИЦЕ

Н. Егоров

Застава.
Пост.
Граница рядом.
Звезда в ручье отражена.
Неразорвавшимся снарядам
Лежит в чащобе тишина.
Метнется тень —
И за контрольной
Сд свежим следом полосой
Огонь откроет многоствольный

Настороженный сухостой.
И, бормоча, засуетится
У ног дозорного ручей,
И коростель — ночная птица
Начнет выкрикивать: „Ты чей?“
Враг будет взят у перекатов.
И снова смолкнет все кругом.
Здесь ночь глазами автоматов
Следит незримо за врагом.

В эсской части

идут

боевые учения

Фото Н. Новикова

НИКОДЕМО ТИКОНА

РАССКАЗ

Нестор Табоада Теран,

боливийский писатель

Рисунки Ю. Шабанова

*Моему учителю Максиму Горькому,
автору великого пролетарского романа «Мать»*

Никодемо Тикона уже примелькался в торговом районе верхнего Чихили. Молоденький расторопный индеец с медным лицом и ершистыми волосами, в старой полинявшей одежде, он бросался в глаза каждому, потому что носил на боку огромный пестрый ящик.

В ящике лежали гребни, щетки, полотенца, дешевые духи, ручные зеркальца, сорочки, цветные очки, туалетное мыло, всевозможные

ключи и даже книги, которых Никодемо не читал по причине своей неграмотности. Ящик висел слева на ремне, а через шею Никодемо были еще перекинуты разные товары подороже.

Сфера деятельности Никодемо ограничивалась закоулками проспекта Буэнос-Айрес — это запад Ла-Пас, столицы Боливии, попросту говоря — кварталы нищеты.

МУНДИРЫ, БРЮЧКИ И ГАДЮКИ

У Тикона бывала приличная выручка — иной раз похуже, а когда и получше, но каждый день он мог поесть и даже приносил немного денег в лачугу, где его ждала старая мать.

Никодемо не было и пятнадцати, но он работал уже около двух лет, с тех самых пор,

как погиб отец. Старый Тикона умер, отставив своего быка — единственного быка, на котором он пахал землю. Но пришел человек в мундире, с револьвером и с пятью солдатами, и забрал быка.

После смерти крестьянина в доме появились всякие «крючки» — священники, помещики, чиновники и прочие почтенные личности, при-

Печатается с сокращениями.

бывшие, чтобы установить, как мало оставил после себя покойный. Но еще раньше «крючков» сползлась родня; эти гадюки помогли похоронить беднягу, а потом заявили, что «покрыли все расходы вместе с прежними долгами дорогого покойника», так что несчастная вдова оказалась в полной от них зависимости.

Женщина поплакала, но, зная, что слезами ничего не добьешься, отдала за долги все,

что имела, и, взяв с собой Никодемо, отправилась в Ла-Пас.

В городе она занялась мелкой торговлей — продавала сласти. Так прожили они год, даже два года. А потом повзрослевший сын рассудил, что мать состарилась и нечего ей больше надрываться. Он взял все заботы на себя, сам стал бродить по улицам в поисках покупателей.

СУББОТА

Никодемо брел, как обычно, по городу со своей поклажей за спиной. Вокруг, замедляя шаг, текло бесконечное море людей. И вдруг он увидел девочку, которая пробиравалась сквозь толпу прямо к нему.

— Почему твои гребешочки, малый? — спросила она, подходя.

Никодемо ответил не сразу. Девчонка была хорошенькая, круглолицая и румяная, шляпа у нее была надета немножко набекрень, и от этого она казалась еще привлекательнее.

Девчонка лукаво улыбалась.

— Гребешочки? — повторил Никодемо.

И тогда она весело рассмеялась, показав белые зубы. Но тут же спохватилась и прикрыла платочком рот. Он почувствовал, как краснеет. Что это с ним?..

Вокруг образовался людской водоворот. Все шли и оглядывались, Никодемо всем улыбался. И тут за ними остановились два прилично одетых парня — из тех, кого называют в народе «местные янки». Эти шельмы околачиваются будто без дела по бедным кварталам. А сами втихую сбывают здесь одежду, обувь, всякие старые вещи, а потом напиваются и устраивают скандалы в тавернах. И, между прочим, полицейские их никогда не трогают.

— Расшевели его, Ричард! — сказал парень пониже, и оба начали гнусно шутить, корча противные рожи.

— А ну, что вы тут зубоскалите? — быстро перешла в наступление девчонка.

Шалопайи прямо согнулись от смеха. Ее злость только развеселила их.

— Не сердись, крошка, — высокий парень потрепал ее по щеке.

Девчонка не стала медлить, зажмурившись и стиснув зубы, она изо всех сил стукнула долговязого локтем. И тогда другой, коренастый задира, бросился на нее с кулаками.

— Негодяй!

Никодемо с силой выбросил вперед правую руку. Никодемо ударил первый раз в жизни, но он сделал это как следует.

Парни отступили. Правда, долговязый успел-таки двинуть Никодемо в челюсть, но все же победа была одержана.

— Прости меня, хозяин! — индианка, придерживая порванный плащ и помятую шляпу,

дотронулась до плеча Никодемо. — Ох, уж эти пьяные! Гляди-ка, что они натворили!

Никодемо оглянулся. Перевернутый лоток лежал на земле, а почти весь его товар исчез. Никодемо, чуть не плача от обиды, поднял свой лоток и, не сказав девочке ни слова, побрел прочь от этого места.

На площади 14 Сентября он замедлил шаг. Сплюнул кровь: крепко ударил его длинный Ричард. Ну и злыми же бывают люди! И главное, все случилось так неожиданно!..

— Молодой человек, а молодой человек!

Никодемо оглянулся. О! Она опять приблизилась к нему. Преследут его, что ли?

— Молодой человек, послушайте, вы должны меня извинить, ведь я только хотела купить у вас, ну, правда же, купить...

— Купить у меня?.. — строго переспросил Никодемо.

— Да... гребень... У тебя был один такой хорошенький... — девочка улыбнулась.

Никодемо был польщен.

— Где ты живешь? — спросила она.

— Я?..

— Да, ты.

— В Вела Виктория, это далеко отсюда.

Они свернули на проспект Батисты и стали подниматься вдоль кладбища. Садилось солн-

це, и они шли по пустынной улице медленно, молча.

— Возьми, — сказала вдруг индианка и сунула ему в руку несколько смятых бумажек.

— Что это, — удивился Никодемо, — деньги?

— Да. У тебя ведь из-за меня пропало столько вещей!

— Нет. Мне не нужны твои деньги!

— Ну возьми...

Никодемо не хотелось брать денег: в конце концов они бы не покрыли и половины его убытка. И потом, как можно взять деньги у женщины?!

— Если ты их не возьмешь, мы больше не встретимся с тобой.

От этой неожиданной угрозы Никодемо совсем растерялся.

— А если хочешь, приходи завтра. Я живу у своей хозяйки в переулке Агирро. Ты мог бы подождать на углу...

— Да... Я приду.

— К вечеру: завтра воскресенье, и хозяйка уйдет в гости, и я смогу погулять.

— Я приду.

— Только обязательно.

— Обязательно.

Девочка протянула ему руку.

Никодемо шагнул домой, улыбаясь, думая о том, как все счастливо обернулось.

ВОСКРЕСЕНЬЕ

Губы Никодемо распухли от удара, но он был уже почти весел.

После обеда Никодемо не торговал. Он пригнулся на площади 14 Сентября и не отрываясь стал смотреть в сторону улицы Натаниэля Агирре. Но индианка все не шла. Примерно в семь вечера он прошелся вдоль улицы Агирре — никого. Что случилось? Неужели она его обманула?

Переулок... Здесь было целых пять переулков. Он остановился на каком-то темном углу. Ему все казалось, что она вот-вот выйдет, и они поздороваются как старые знакомые.

Никодемо достал из кармана гребень с блестящими зелеными камешками и внимательно оглядел его еще раз. Он купил этот гребень специально для нее — ведь она хотела гребень. Помедлив, Никодемо спрятал подарок опять в карман. Настроение у него испортилось.

Пожалуй, надо уйти. Нет, он подождет еще немного. А может быть, она живет вон в том переулке? Надо бы проверить. В этом узеньком переулке было уже совсем темно.

Какой-то подвыпивший капитан карабине-

ров тоже свернул в переулок. Он шел, глядя только себе под ноги, и напевал танго. Услышав шаги, Никодемо резко обернулся и тут же наткнулся на капитана.

— Ой!

— Ай!

У капитана свалилась фуражка. Он прислонился к стене и прищурился. Разглядев мальчишку, он рывкнул:

— А ты что здесь делаешь, индейская дрянь?

Никодемо не ответил.

— Что ты здесь делаешь, дрянь этакая! Воровать собрался?

— Нет, — тихо проговорил мальчик.

Ему надо бы пуститься бежать, но он вспомнил отца. Отца убил такой же офицер-карабинер.

Капитан подобрал с земли запыленную фуражку и полез с кулаками.

— Вы не смеете меня бить! — крикнул Никодемо.

— Не смею? На тебе, вареный индейский рак!

Никодемо увернулся и побежал прочь. Этому свирепому орангутангу в мундире ничего не стоило его убить.

Но отбежав немного, мальчик оглянулся. Капитан стоял, подбоченясь, на углу.

— Попугай! Попугай — не пугай-ай-ай-ай! — крикнул Никодемо.

— Ну, погоди же... — пробормотал капитан. Качнувшись, он тяжело побежал за мальчишкой. Но Никодемо уже припустил со всех ног. «Побегу вверх и спущусь по улице Буэнос-Айрес... нет, лучше по Лас-Андас, пусть попробует догнать меня этот пьяный попугай!»

— Попугай! Ай-ай! Не отставай!

Следом за капитаном со свистом и хохотом бежали приплясывая мальчишки. Вот и улица Лас-Андас. На ее углу прохаживался молодой солдат-карабинер и болтал от скуки с торговками.

— Хватай его! — крикнул капитан, — хватай!

Карабинер сразу понял, в чем дело. Он раскинул руки и расставил ноги, чтобы схватить беглеца.

Никодемо на бегу столкнулся с карабинером, сбил его с ног. Но упал и сам. Тотчас вскочил и снова растянулся, опрокинув лотки с пирожками.

— Ой, господи! Хесус, Мария и Хосе! — закричали торговки.

И тут же подскочил капитан. Он пнул Никодемо ногой.

— Вставай!

Никодемо скорчился.

— Вставай, слышишь? — ревел капитан. — Ну-ка, скажи еще раз «попугай»! Скажи, проклятый! Кто здесь попугай, индейская скотина?

— Пустите меня!

— Как же, отпустят тебя в полиции! Вставай, говорят!

— Не встану.

— Так я затопчу тебя до смерти! — и капитан стал бить его каблуками.

Никодемо прижался к земле. Оторвать его было невозможно. А вокруг уже собралась толпа.

— Ах ты, гад!

Толпа глухо роптала.

— Пожалуйста, капитан, — сказала какая-то пожилая женщина, — отпустите его. Разве вы не видите — он еще ребенок! Вы должны его отпустить!

— Это сделают в полиции, там выбьют из него дурь!

— Послушайте, это, наконец, не по-рыцарски! — серьезно заметил кто-то.

— А я и не рыцарь!

— Подумать только, вот скромник! — в толпе засмеялись.

— Молчать, болваны!

— Нельзя ли повежливее? — оборвала молоденькая студентка.

— Господи, об этом еще надо просить! — вздохнула пожилая женщина. — Эти люди в казармах какие-то звери, вечно они над кем-нибудь надругаются! Глядите, глядите, что делает с бедняжкой эта дубина!

— Не лезьте, сеньора, куда не надо! Забери его! — приказал капитан солдату. Тот растерянно посмотрел на толпу.

— Но он не желает, мой капитан!..

— Сейчас же забрать его!

— Приказ есть приказ... — Солдат взял было мальчугана под мышки, но Никодемо кричал и брыкался:

— Они убьют меня, не отдавайте меня, ой, помогите!

— Замолчи, негодный!

— Что он вам сделал, капитан? Чем он мог вас так рассердить? — настойчиво спрашивала студентка.

— Ничем, сеньора... Я только сказал ему «не пугай»...

— Оставьте мальчика, наконец, в покое.

— Нет, не могу. Он оскорбил в моем лице офицера. Я, как уважаемый член общества...

— Слушайте, вы, представитель закона, уважаемый член общества или как вы там еще называетесь, — вмешался молодой рабочий. — Ступайте-ка отсюда и отпустите паренька.

— А кто вы, собственно говоря, такой?

— Рабочий.

— Давно пора передуть всех рабочих!

— И кто его воспитывал, этого офицера! — ужаснулась пожилая женщина.

— Мальчик, не связывайся с этим попугаем, — сказала студентка, наклонясь к Никодемо.

— Что вы сказали, сеньорита?

— Да, попугай! Палач, провокатор! — крикнула девушка. — Ну что вы теперь сделаете со мной?

— Солдат! — позвал офицер.

— Слушаю, мой капитан.

— Ступай за подкреплением, сейчас же!

А толпа шумела все громче.

— Это приказ, — робко извинился солдат.

— Так беги же, — спокойно сказал рабочий.

— Беги поскорее! — воскликнула девушка. — Приведи целую роту, чтобы нас расстреляли, как расстреляли шахтеров. Может быть, прибежит сам полковник?

— Славная вы какая, — тихо сказал рабочий.

Студентка повернулась к нему. Щеки ее горели.

— Вот она, наша демократия! Несчастливая Боливия! Голод, грубость, неравенство, и — сила оружия! И для чего? Чтобы расправиться с мальчишкой только за то, что он беден!

— Что же нам делать? — сказал какой-то парень. — Не молиться же богу.

— А, вы не знаете, что делать! Бороться! Вместе с партией!

— С какой это?.. — недоверчиво спросил рабочий.

— С настоящей. С партией крестьян и рабочих. С такой, как в России. — Девушка вплотную подошла к капитану. — Отпустите мальчика, капитан.

— Сеньорита, вы злоупотребляете моим терпением.

— Да? А вы давно уже злоупотребили.

Ударом ноги он сбил ее на мостовую. Выхватил кольт 38-го калибра, сделанный в североамериканских штатах, и, отскочив к стене, будто толпа собиралась на него напасть, выстрелил в девушку и в толпу.

Люди отпрянули.

— На помощь! — закричали женщины. — Убийца!

Рабочий склонился над девушкой, поднял ее.

— Убийца!

— Попугай!

— На помощь!

Толпа бушевала и не расходилась. Капитан, не выпуская Никодемо, грозил толпе револьвером.

— Разойдитесь или буду стрелять!

— Камнями его! Несите скорее камни!

— Попугай!

Но тут на площади затормозил грузовик, и из него высыпала целая туча карабинеров с резиновыми дубинками.

— Убрать! Всех убрать!

Казалось, защитники закона свалились сверху, выросли из-под земли, на каждом шагу — удары, дубинки, приклады...

— Спасайтесь!

— Попугай, убийцы!

— Проклятые!

Никодемо смотрел вокруг. Солдаты ритмично работали дубинками. Люди бегали и толкались, как мыши, загнанные в мышеловку. Кое-кому удалось укрыться в ближних домах, кто-то отчаянно стучал в двери кондитерской. словно острая приправа, время от времени звучали выстрелы. Магазины поспешно закрывались.

— Возьмите этого!

— Я не встану, — с дрожью сказал Никодемо.

— Ты все еще упрямисься? Получай! — капитан бил уже не стесняясь.

— Ой, не встану, ай!

— Ты оставишь свое бунтарство, грязный индеец!

— Я не встану, вы меня не возьмете!

Он кричал на всю площадь. Полицейские окружили и били, топтали его.

— Ой, попугай, попугай, убийцы! Айяяй!

— Однако, в жизни не встречал такого цепкого и упрямого индейца!

— Убийца! Айяяй! Попугай!..

Крик оборвался.

ПОНЕДЕЛЬНИК

На рассвете двое оборванных мальчишек шли в кладбищенскую часовню: за 60 боливиано в неделю они помогали священнику служить мессу. Дойдя до улицы Натаниэля Агирре, там, где она пересекается с Лас-Андас, один из них заметил в луже какой-то блестящий предмет.

— Смотри-ка! Смотри, Лучито, какой красивый!

— Что это?

— Гребень. — Это был гребень с блестящими зелеными камешками. — Я подарю его своей сестре.

И они пошли дальше, глядя под ноги — не попадется ли еще чего-нибудь. Но на тротуаре светилась только засохшая кровь.

Немного позже жители квартала начали вполголоса обсуждать ночное происшествие.

— Всю ночь стреляли. Похоже было на революцию, — сказала какая-то женщина.

— Говорят, были жертвы?

— Убили мальчишку индейца, забрали рабочего и какую-то сеньориту...

Важная старуха перекрестилась.

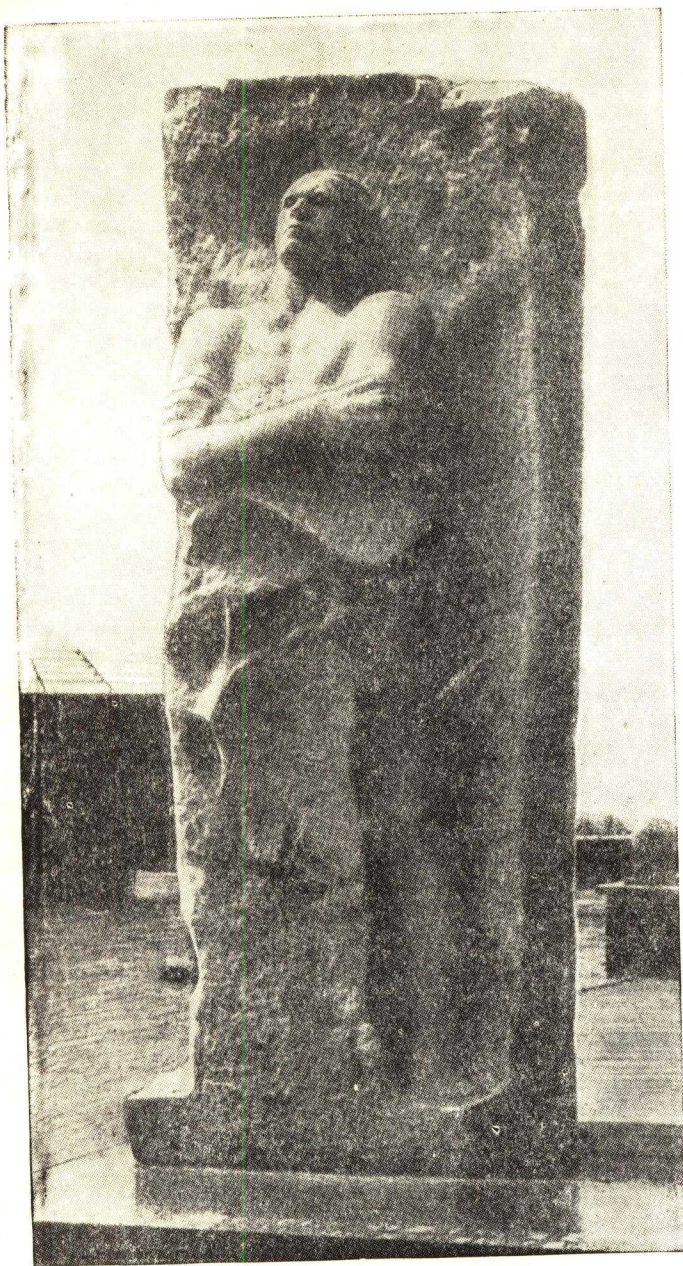
— Слава богу, у нас вчера целый вечер никто не выходил из дома. Я прихворнула и не отпустила от себя даже служанку.

Служанка, хорошенькая четырнадцатилетняя индианка, чутко прислушивалась к разговору.

Для нее-то и был куплен этот гребень с зелеными камешками.

Перевела с испанского М. Яхонтова

**20 ЛЕТ НАЗАД
18 ФЕВРАЛЯ
1945 ГОДА
ГЕРОЙСКИ ПОГИБ
ГЕНЕРАЛ-ЛЕЙТЕНАНТ
СОВЕТСКОЙ АРМИИ
ДМИТРИЙ
МИХАЙЛОВИЧ
КАРБЫШЕВ**

**Памятник генералу Карбышеву в Маутхаузене.
Скульптор В. Цигаль.**

В концлагере Флоссенберг наступило время обеда. Длинная очередь заключенных вытянулась к котлу с баландой. У котла с черпаком в руках стоял немецкий уголовник Вилли.

Никто не заметил, с чего началось, да, вернее всего, ни с чего не началось, — просто Вилли захотел показать свою власть. Со всего размаха ударил он черпаком невысокого старика в пенсне.

И тогда из строя выбежал другой заключенный. Выбежал — и метким ударом в подбородок сбил негодя-раздатчика с ног.

Строй ахнул. «Расстрел», — выдохнул кто-то. Но Дмитрию Овсянникову повезло: случайно о нем забыли, он остался цел...

— Знаешь, за кого ты вступился? — спросили товарищи Овсянникова некоторое время спустя. — За генерала Карбышева!

Сейчас Дмитрий Александрович Овсянников живет в Ленинграде. По нашей просьбе он согласился рассказать о днях, проведенных с Карбышевым в лагере Флоссенберг.

...Вскоре я почувствовал, что принят в подпольную жизнь концлагеря и что подпольная организация в лагере имеет немалую силу.

Лагерный «телеграф» передавал легенды о стойкости человека, сидевшего в «аресте». «Арест» — тюрьма в тюрьме, безглазый бетонный бункер. Он стоял в углу

лагеря, за двойным рядом колючей проволоки, и в нем нацисты держали Эрнста Тельмана. Тельман провел в тюрьме более десяти лет, был тяжело болен. Но не сдавался и сейчас, в бункере Флоссенберга!

Лагерный «телеграф» сообщал о героической смерти советского генерала авиации товарища Тхора. За

отказ выдать военную тайну Тхор был приговорен к повешению. И вззошел на эшафот в полной форме, при всех орденах.

По безотказному лагерному «телеграфу» приходили вести и о мужественном поведении генерала Карбышева.

Обессиленный Дмитрий Михайло-

вич лежал в это время в «ревире». «Ревир» — так называемый лагерный «госпиталь». Нет, это не больница — это как бы преддверие крематория. Там не лечили — морили голодом. Но одно преимущество у «ревира» было — оттуда не брали на тяжелые работы. И вот, когда я уже совершенно «доходил» на каменных карьерах, как говорили узники, «гремел костями», друзья помогли мне, и я попал в «ревир».

Двухъярусные нары, спертый сладковатый воздух. Отовсюду стоны, всхлипывания. Еще страшней молчащие нары — на них или мертвецы, или люди, потерявшие всякую надежду: пустыми, выцветшими от боли глазами глядят они в стену...

Утренний «аппель» — переключка. «Ахтунг!» — больные узники вытягиваются на нарах. Руки плотно прижаты к бедрам. Врач СС равнодушно проходит — и вдруг задержался у нар, что напротив моих.

Он даже присел на услужливо подставленную скамью! Он осматривает больного, вот что-то проговорил по-немецки, приложил пальцы к козырьку фуражки...

**Так было в Маутхаузене.
И во Флоссенберге...**

**С ворот Маутхаузена сбрасывают нацистского орла.
1945 год, победа!**

Я всмотрелся в своего соседа. Это был тот самый старик в пенсне. Генерал Карбышев.

Немало времени прошло, пока мы с ним познакомились по-настоящему, вошли друг к другу в доверие.

Вот сидит он на своих нижних нарах двухъярусной «койки» и, картавя слегка, рассказывает.

Война застала его в инспекционной поездке, в городе Ровно. Он отказался лететь в Москву: отступал вместе со штабом фронта. Положение становилось все более тяжелым. Ему предложили место в автомашине — спастись из окружения. Карбышев уступил это место женщине, жене своего товарища. И продолжал отходить вместе с бойцами, организуя оборону, изматывая противника...

Он дошел до Днепра. И тут, во время переправы, его контузило. Так он попал в плен.

Сначала Дмитрия Михайловича повезли в Берлин, в имперскую канцелярию. Чуть не сам Гиммлер беседовал с ним. Лыстил, подчеркивал заслуги, предлагал применить свой опыт и знания в немецкой армии. Карбышев с гневом отказался. Тогда фашисты пошли по другому пути. Бросили Карбышева в концлагерь Флоссенберг.

И вот что произошло во Флоссенберге.

Когда Дмитрий Михайлович, по мнению фашистов, достаточно обессилел, когда изведать полной мерой ужасы лагерной жизни, его неожиданно вызвали к коменданту.

Комендант — обер-лейтенант СС Штопхен — встретил его почтительно. Предложил сесть. А когда генерал отказался, встал сам и продолжал разговаривать с Карбышевым стоя. Он обратился к генералу по-немецки. Карбышев ответил, что будет беседовать

только через переводчика (необходимо отметить, что Дмитрий Михайлович превосходно владел немецким и французским языками, но на языке своих врагов изъясняться не считал нужным). Пригласили переводчика. И тогда Штопхен торжественно заявил:

— Вы свободны, герр генерал! Ворота лагеря для вас открыты. Можете немедленно выйти и жить в любом удобном для вас месте на территории Германии. И работать,—

разумеется, по своей специальности.

И здесь генерал Карбышев перешел на немецкую речь:

— Работать на врага я не буду. А если и буду, то только вредить. У меня все!

Он повернулся и ушел, обратно, в барак, к побоям и издевательствам охраны.

Дмитрий Михайлович мельком вспомнил об этом случае, когда в «ревире» мы с ним «пировали» двумя картофельными лепешками.

Кто-то праздновал день рождения и угостил его этим «деликатесом»...

Вскоре, с очередным транспортом, нас повезли в Маутхаузен. Там и погиб на шестьдесят пятом году жизни Герой Советского Союза генерал-лейтенант Карбышев. Фашисты, отчаявшись склонить на свою сторону генерала-коммуниста, вывели его морозной ночью из барака, поставили к гранитной стене и начали обливать из пожарных шлангов ледяной водой...

БЫЛЬ О БОДНОМ ПАРАДЕ

Леонид Семин

— Опять собираются гнать в Нюрнберг на «парад», — сказал старшина Ремнев. Он раньше других узнавал новости, потому что был лагерным писарем.

Рисунки Г. Праксейна

— Пожалуй, так, — подтвердил дядя Вася. — Как и намерен, машину брюквы сверх нормы завезли. — Он тоже редко ошибался. Дядя Вася был в лагере поваром.

И вот ударил лагерный гонг, возвестив «общее построение».

Раненых и больных приказали оставить «дома», остальным построиться в походную колонну.

Хлопая неуклюжими деревянными колодками, тронулись в путь. От Лангвассера до Нюрнберга — пять километров. Путь нелегкий.

— Потому и брюковки подкинули, — усмехнулся дядя Вася.

Лейтенант Петров шел в середине колонны. На нем была фуфайка и залатанное галифе. Из фуфайки торчала вата. Ноги обмотаны тряпками... Здесь все были в лохмотьях. Лишь в голову колонны эсэсовцы поставили десятка три пленников, переодетых в синие мундиры. На френчах поблескивали шарообразные медные пуговицы с изображением каких-то драконов. Говорили, будто эта одежда привезена с бельгийских складов. Кто-то утверждал, — с голландских.

— Хотят показать населению не воинов, а толпу оборванцев, — сказал лейтенант. — Недаром «Фолькише беобахтер» постоянно трубит, что у большевиков нет продовольствия и обмундирования, осталось немного старых танков и самолетов. Еще, мол, один рывок, и русским крышка!..

Старшина Ремнев нахмурился:

— Нюрнбержцы, должно, еще ни разу и не видели-то нашего командира в полном обмундировании. А ведь это можно сделать, у меня друг на вещескладе...

— Можно, можно показать! — оживился дядя Вася. — И у меня приятель там есть. Кое-что раздобудет.

А уже на следующий день лейтенант Петров держал в руках темнозеленую добротную гимнастерку и такое же галифе.

— Чистейшие диагоналевые, — хвалил Ремнев. — Новехонькие еще. — Он рассматривал черные петлички. — Артиллерийские. Вот и вмятинки от кубарей. Старший лейтенант носил.

Золотом сверкали нарукавные нашивки.

Примерив одежду, лейтенант улыбнулся:

— Как будто специально на меня пошито.

— Ей-богу, на вас! — воскликнул дядя Вася. — Завтра мне обещали фуражку раздобыть.

Труднее было достать сапоги. Но и тут лагерная «знать» — как называли поваров, писарей, работников вещевых складов — не подвела. Сапожник Ованесян признался, что давненько прячет хромовые сапоги сорок первого размера, хотел поменять их на табачок и хлебушек.

— Но раз такое дело, забирай их. — Он погрозил смуглым кулаком в пространство. — Мы им покажем!..

«Им» — значит фашистам.

Немало выдумки проявил Ованесян, чтобы привести сапоги в порядок. И вот они, до блеска начищенные откуда-то раздобытым гуталином, засунуты под пояс. Петров с каждым шагом ощущает их каблуки. Сапоги жмут под ребра. Под рваной фуфайкой и залатанным галифе — новенькая форма лейтенанта Советской Армии. Часа за два до построения достали, наконец, звездочку и четыре квадрата, или «кубаря», как их называли. Эти знаки берег земляк лейтенанта, рядовой Миша Снежков. Нашли и ремень. Отчаявшийся Ованесян собрался было снимать с немецкого бляху с надписью «Гот мит унс», но в последний момент прибежал старшина и вытащил из кармана желтый широкий ремень с медной пряжкой и пятиконечной звездой на ней.

Теперь лейтенант Петров шел в середине колонны и думал обо всех этих хлопотах, о людях, которые охотно отдали когда-то для них простые, незаметные, обыденные вещицы, ставшие вдруг священными. Через эти вещицы люди как бы еще держали связь с Родиной, или ощущали ее крепче тех, у кого уже не осталось ничего, — все отнято при перегонах из лагеря в лагерь.

Ремнев, дядя Вася, Миша Снежков, Ованесян и многие их товарищи решили драться, если фашисты вздумают снять с Петрова форму.

Колодки стучали по асфальту. Скулили и рычали овчарки. Покрикивали конвоиры. Пленные тяжело дышали. Ходить в таких колодках не научишься и за годы каторги. Стоял июль сорок второго года. В ватных фуфайках было жарко. Асфальт местами размяк и зыбился.

— Километра два прошли, — сказал дядя Вася, шестидесятилетний ополченец, вспоминавший по вечерам о довоенной жизни, о том, как он работал в ресторане. Теперь дядя Вася с провалившимися щеками, поросшими седой щетиной, едва шел и рукавом смахивал соленный пот.

Петров ничего не ответил. Лицо лейтенанта сильно загорело. Он всегда был худощавым, и плен, казалось, его мало изменил. Все те же острые скулы и глубокая морщинка на лбу. Не по годам ранняя морщинка появилась, когда он был курсантом пехотного училища и добровольцем отправился под Выборг сражаться с белофиннами.

— Душно, — пожаловался Миша Снежков. На нем тоже была рваная фуфайка и ватные

штаны, до того ветхие, будто Миша нарочно вывалялся в вате. Парень перенес трудные месяцы блокады, служил в запасном учебном стрелковом полку в Бернгардовке, первый бой принял у Синявинских болот и был тяжело контужен.

— Мы живем на Кировском, рядом с Ленфильмом, — рассказывал Миша, просил запомнить его адрес, приезжать после войны в гости.

Лейтенант посмотрел на бледное лицо Миши.

— Если что... съездишь к моим, на остров Декабристов...

— Мольчат!.. — заорал эсэсовец. Поотпустил поводок, собака рванулась, привстала на задние лапы, ее влажные хищные глаза глядели на Мишу. Миша шептал: «Я бывал на Голодае, мы когда-то жили в Гавани, и наши ребята ходили драться с голодаевскими. А потом как-то всем классом ездили к памятнику декабристам...»

— Руэ! — рывкнул конвоир.

Но как ни кричали охранники, то тут, то там вспыхивали разговоры.

— Ишь ведь что выдумали, подлецы! Одних и тех же гонять в город и выдавать за новых пленных. Да я уже четвертый раз по этой дороге топаю, — сказал кто-то громко.

— А я третий, — отозвался Ремнев.

Лейтенант Петров и рядовой Снежков шли впервые.

— Осталось немного, вон крайняя улица...

— «Немного». А по городу еще сколько хлывать. Ого, брат, кровавые мозоли набьем. Еще неизвестно, доползем ли обратно. В прошлый раз сжалились, разрешили колодки снять, босиком гнали.

— «Сжалились»! Ты припомни-ка, где мы сняли колодки?.. Там как раз дорога разбита, острой щебенкой и гравием засыпана, все подшвы изранили.

Через полчаса колонна стала медленно вливаться в кривую и узкую старинную улочку. В этот день в Нюрнберге был какой-то фашистский праздник, из каждого окна торчал флажок с черной свастикой.

Ремнев сказал:

— Я слышал, у них такой порядок: не выставлял флажка, — враг фюрера.

— Н-да... Нюрнберг... Тут Гитлер смотрит своей армии устраивал.

— Тут ни один нам не посочувствует.

Лейтенант мрачно смотрел на дома с островерхими готическими крышами. Улица была малолюдная, Петров не спешил снимать лохмотья.

— Поближе к центру, — подсказывал Ремнев, — народу гуще.

— Шнеллер, шнеллер! — покрикивали конвойные.

То навстречу колонне, то обгоняя ее, проезжали велосипедисты в рубашках с короткими рукавами и в кожаных трусах. На пленных они не обращали внимания: должно быть, привыкли.

— Банхофштрассе, — прочитал Миша Снежков, когда свернули на следующую улицу, перевел: — Вокзальная.

— Хорошо знаешь немецкий? — спросил Петров.

— С пятого класса. Вир бауен моторен, вир бауен тракторен, — усмехнулся он. — Мы строим моторы, мы строим тракторы... А вот про пушки, танки и самолеты не было написано.

На Банхофштрассе стояло много машин. С рюкзаками и сумками шли и ехали горожане.

— Сейчас будет поворот на площадь, — сказал Ремнев. — Сегодня гонят без остановок...

Но едва он сказал это, как правофланговые остановились.

— Теперь давай, — шепнул дядя Вася.

Лейтенанта загородили. Он снял рваное галифе, размотал тряпки, вытащил из-за пояса сапоги и натянул на босые ноги.

Вскоре колонна двинулась вперед. Кто-то надел на себя фуфайку Петрова, другой взял галифе, третий — колодки.

— Лос, лос! — поторапливали эсэсовцы.

Лейтенант прошел метров двести. Ему казалось, будто он парит на крыльях над этими чужими улицами. Он не видел, как прохожие вдруг останавливались и глазели на него. А конвоиры пока ничего не замечали.

На площади было многолюдно. Играла музыка. Нарядные женщины, дети и пожилые мужчины лениво прогуливались либо стояли шпалерами, в упор рассматривая проходивших «новых» русских пленных в изодранной одежке.

Колонна двигалась здесь очень медленно. Эсэсовцы шагали важно, высоко подняв подбородки и выпятив грудь, держали автоматы как на параде. Из репродукторов хлестали фашистские марши.

Высокий седой немец, держа под руку толстую в больших очках и белой шляпке старуху, курил толстую сигару, Скривив губы, он полупрезрительно, полунасмешливо глядел на проходивших мимо изможденных людей. Вертевшийся возле него мальчишка что-то сказал старику. Тот одобритительно кивнул.

Тогда мальчишка выхватил из кармана два давленных помидора и под мелкий смешок старика швырнул помидоры в пленных.

По лицу Ованесяна потекла красно-желтая жижа. Он устало вытерся рукавом, даже не взглянув на мальчишку.

— Огольцов науськивают, сволочи, — процедил Ремнев.

— Фашисты проклятые, — вздохнул Миша Снежков.

Вдруг седые мохнатые брови старика изумленно вскинулись, сигара чуть не выпала из рта. Он машинально потянулся рукой к старухе. Не спуская глаз с лейтенанта, зачем-то снял с нее очки. Дряблое белое лицо его вытянулось.

— Гляньте на этого старого идиота, — презрительно покосился Ремнев, — стоит как аршин проглотил!..

Теперь уж не один старик — многие смотрели на лейтенанта. Указывали на него пальцами и толкали под бок тех, кто еще ничего не замечал.

А Петров шел подтянутый, прямой и спокойный. Он не глядел по сторонам и, казалось, весь был занят какой-то одной мыслью.

Старик крикнул что-то конвоиру. Тот, словно ужаленный, повернулся к колонне. Из-под низко надвинутой на лоб каски на лейтенанта вскинулись испуганные глаза. Через секунду конвоир уже бежал к голове колонны, где в окружении двух автоматчиков шагал эсэсовский офицер.

Конвоир, задыхаясь, остановился перед начальником, щелкнул каблуками и, заикаясь от волнения, выпалил несколько слов.

Офицер уставился на него, как на сумасшедшего. Солдат повторил...

А колонна шла и шла. Сотни горожан, толкая друг друга, теснились, вставали на цыпочки, чтобы получше разглядеть советского лейтенанта.

Петров шагал все так же спокойно, прямой, торжественный и задумчивый. Ремнев, Миша Снежков, Ованесян немного отодвинулись от него, чтобы он лучше был виден.

Между тем, слух о советском командире, шагающем в середине колонны в полной форме, покатился по толпе зевак. Вся площадь

пришла в движение. Всем хотелось взглянуть на советского офицера. Отовсюду только и слышалось:

— Русс офицере!.. Советише офицере!..

Наконец, насмерть перепуганный начальник конвоя понял, что надо немедленно схватить дерзкого лейтенанта, вырвать его из колонны, убрать с глаз праздничной толпы. Раздалась команда «стой». Эсэсовский офицер и десятка полтора автоматчиков кинулись вдоль колонны. Они торопливо шарили глазами по верх голов пленных, отыскивая смельчака.

— Товарищи, — крикнул старшина Ремнев, — не дадим срывать с лейтенанта форму!..

— Не дадим!.. — ответили голоса.

Плотное кольцо оборванных, измученных людей сомкнулось вокруг своего командира. Многие сняли колодки и держали наготове. Эсэсовцы увидели, наконец, зеленую фуражку и на ее околыше рубиновую звездочку с золотым серпом и молотом. Растерянно переглянулись, затем ринулись в гущу пленных. Миша Снежков размахнулся и ударил колодкой эсэсовца. По лицу не попал. Удар пришелся по каске. Гитлеровец выстрелил в упор.

Офицер, размахивая пистолетом, бросился к лейтенанту. Старшина Ремнев схватил его за пистолет, но сильный гитлеровец вырвался и стукнул Ремнева рукояткой по голове. К месту схватки бежали другие конвоиры. Часть их, оттеснив толпу от колонны, замерла с автоматами наготове.

Потом лейтенант увидел, как упал дядя Вася.

Вскоре эсэсовцам удалось разорвать кольцо храбрецов и схватить лейтенанта. Его кинули в подкативший грузовик. Пятеро солдат, поставив к груди Петрова автоматы, словно окаменелые, сели напротив. Грузовик рванул с места. Шофер отчаянно сигнализировал. Рядом с ним в кабине сидел перепуганный эсэсовский офицер и покусывал губы.

А лейтенант Петров сидел в открытом кузове, хмуро смотрел на голубое небо. Потом он медленно снял фуражку. Охранники встретились от этого его движения, насторожились. Лейтенант даже не взглянул на них. Ветерок шевелил его русые волосы.

РАССКАЗ

Юрий Хазанов

Рисунки М. Беломлинического

Шла пятая репетиция сценки из жизни на Марсе. Марсианин Витька говорил марсианке Алле, что ему неправильно поставили «двойку» по марсианскому. Потом вбегал марсианин Калугин и сообщал, что к ним в гости прилетели земляне. Гости сразу же появлялись с песней «На пыльных тропинках далеких планет останутся наши следы», и все начинали знакомиться и танцевать. Марсиане рассказывали людям, что у них тут очень холодно, потому что они старше Земли и давно остыли, но они не унывают. Человек Петька спрашивал, растут ли на Марсе овощи, и показывал изумленным марсианам картошку и морковь с лагерного огорода. И тогда все пели песню про картошку, которая объеденье.

Артисты играли уже в костюмах: в шлемах и в длинных подпоясанных балахонах из матрасных мешков с буквами «М» и «З». И когда земляне поворачивались спиной, они были похожи на футболистов, выступающих под номером третьим.

—...У нас тут очень много каналов, — говорила марсианка Алла, — мы по ним ездим в школу и в кино. Завтра мы устроим для вас прогулку по каналу на теплоходе «Марс».

Потом марсианин Калугин начал читать приветственные стихи:

— Мы, ребята-марсиата,
Рады видеть вас, друзья!
Эта... эти... это...

— Памятная дата, — подсказала вожатая Вера.

— Это памятная дата, — повторил марсианин Калугин. — Это памятная дата...

Но четвертую строчку он все равно забыл.

— Все время так! — крикнул марсианин Витька. — Он нарочно, я знаю! Потому что стихи придумал я.

— Мы же условились, — сказала вожатая Вера, — что пьесу придумывали все вместе. Никаких «ты» и «я».

— А чего же он? — сказал Витька. — Я ведь не забываю, когда другие придумали...

— В школе я хорошо запоминаю, — сказал Калугин. — А тут... Стихи такие — никак не запомнишь.

— Не стихи, а артист! — крикнул Витька. — Гнать таких артистов надо!

— Ты тоже из себя не строй... марсианского поэта, — ответил Калугин. — Видали мы.

— Перестаньте, — сказала Вера. — Продолжаем репетицию.

— Да... Чего он? — сказал Витька. — Думаете, я не умею? И лучше умею.

— Поехали дальше! — крикнул Петька и снял шлем, потому что очень жарко летом быть космонавтом.

— Объявления ты писать умеешь, — сказал Калугин. — Это действительно... «Сегодня в столовой шахматный турнир...» Или там еще...

— Перестаньте, — сказала Вера.

— Зря ты это, Калугин, — сказала Алла и тоже сняла свой марсианский шлем. — Я недавно читала... знаешь, какие стихи он написал! Мне Марина показывала...

— Это не я писал! — крикнул Витька и почувствовал, что краснеет под своим марсианским шлемом, как обыкновенный человек.

— Он в нее влюблен, — сказал Калугин.

— Перестаньте, — сказала Вера. — В вашем классе еще не влюбляются.

— А с какого класса можно? — это Петька спросил.

— Марсианский жених! — закричал Калугин.

А Витька подскочил к нему и стукнул по марсианскому шлему.

— Немедленно прекратите! — сказала Вера. — Витя, ты себя не умеешь вести. Я жалею, что включила тебя в список участников...

— Ну, и не надо мне вашего списка! — сказал Витька. — И вообще не надо...

Он повернулся и пошел.

— Ты куда? — крикнул ему Петька.

— Витя, вернись! — это голос Веры.

— Витя! Ты что? — это Алла кричит.

И тогда Витька побежал. Как был, в костюме. Он выбежал за калитку, в поле, обогнул овраг. Бежал сначала быстро, потом уже совсем медленно.

— Посмотрим, как без меня сыграют, — думал он. — Дразнятся еще... Зачем всем показывать? Если тебе написали, ну, и читай сама... А Калугину больше всех надо... И Петьке тоже... Сам он жених...

Защипало глаза, и в шлеме стало очень жарко. Витька откинул его и продолжал идти. Вот и роща. Он нырнул в кусты и почувствовал облегчение — раньше ему казалось, что в спину все время смотрят.

— Увидим еще, — повторял он про себя и все шел и шел, отгибая ветви, поддавая ногами шишки и желуды.

Потом он вспомнил свои стихи про ребят-марсиат:

Мы, ребята-марсиата,
Рады видеть вас, друзья!
Это памятная дата —
Позабить ее нельзя...

«Совсем неплохие!.. «Памятная дата» — очень красиво... И рифма есть... Чего им еще? Интересно, а почему говорят «марсианин»?.. Москва — москвич, Тула — туляк... Значит, можно «марсиак». Одессит... Марсит... А как, если из Орла? Орлец? Или орлист?..»

Последние вопросы он решал уже сидя в траве под кустом орешника. А потом и во все лег — трава такая мягкая, даже спать захотелось.

Все время мешали какие-то маленькие мухи — жужжали, лезли в лицо, кусались. Витька натянул на голову шлем. Стало душно,

зато тихо и спокойно. Никаких мух. Никто не мешает думать.

...Он проснулся, потому что рядом разговаривали. Еще до того, как открыть глаза, он услышал тонкий голосок:

— Ой, Мить, гляди, какое лежит!

— Какое? — подумал Витька. — Может, я лег рядом с чем-нибудь таким?..

Но подниматься было лень. Он открыл глаза. Неподалеку стояли пятеро ребят, один другого меньше, самый старший — хорошо если в третий класс перешел.

— Это человек? — спросил мальчик с палкой в руке.

— А оно живое? — спросил тонкий голос.

— Боюсь, — сказал самый младший. — Укусит.

— Что это у него? — опять спросил мальчик с палкой.

Витьке стало смешно: «Чего они, в самом деле? И не похоже, что понарошку... Одурели, что ли?»

— Вроде шлем, — сказала девочка.

— Не вроде, а шлем, — сказал старший. — Видишь, прутья торчат? Это антенна. Как в приемнике, я знаю.

Тут Витька вспомнил, что на нем ведь марсианский костюм.

Ему стало совсем смешно. Он пошевелился, поджал под себя ноги — чтоб не вылезали сандалии, и откашлялся.

— Слышите? Кашляет, — сказала девочка.

— Может, он правда откуда-нибудь? — сказал старший. — Прилетел и все...

— Спросим? — сказал мальчик с палкой.

— Ты откуда? — спросила девочка.

Витька втянул нижнюю губу, чтобы голос был почудней, и сказал:

— Марс.

— Ребята, слышите, что говорит? — крикнула девочка. — Я в правление пойду.

— Подожди, — сказал тот, что с палкой. — Надо все узнать.

— Он не укусит? — опять спросил самый младший.

— А... вы... — старший не знал, что сказать. — Почему вы маленький?

— Марсиёнок, — сказал Витька тем же способом.

— Он разве по-русски знает? — спросила девочка, и Витька понял, что чуть не выдал себя.

— Знаешь по-нашему? — спросил Витьку тот, что с палкой. Он решил перейти на «ты».

И тут Витька вспомнил очень простой язык, на котором они разговаривали с Секой, когда хотели, чтоб никто не разобрал. Нужно толь-

ко после каждого слога прибавлять «то», или «те», или «ти». И все. Очень просто.

Витька сказал:

— Яте житевуте в латегетерете. Потеняте-лите?

— Слышите? — сказала девочка. — Побежать в правление?

— А города там есть? — спросил мальчик с палкой.

— Какте жете, отеченые мнотеготе, — ответил Витька. И, совсем осмелев, добавил:

— Мотесквате.

— Встатевайте, бросьте тыте!.. Подумаешь. Мы тоже так в классе говорим, только другие буквы прибавляем. Умный какой. Вставай, а то...

— Но-но, — сказал Витька. — Что «а то»?..

Он снял шлем, встал и вдохнул свежий воздух. Девочка ойкнула, а самый маленький почему-то заплакал.

— Не догадались ведь сперва? Пять минут верили? Что?

— Две минуты, — сказал мальчик с палкой.

— Это такой город, да? — сказала девочка. — Наверно, столица.

Витька уже вошел в роль.

— Всете выте дутератеките, — сказал он. — Нитекатекойте яте нете мартеситеётенокти...

— Что-то про ногти говорит, — сказала девочка. — Побежать?

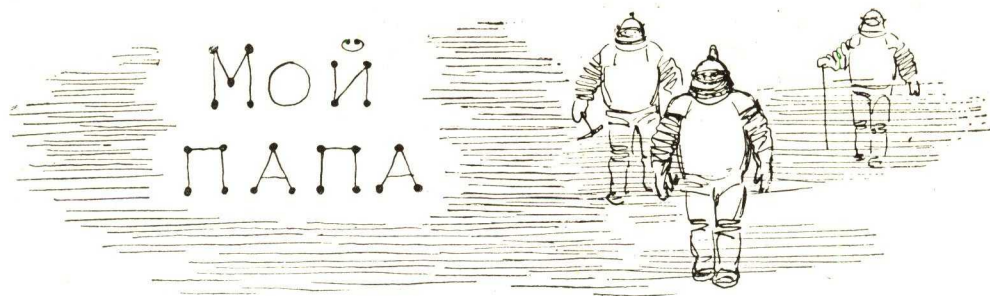
— Погоди, — сказал старший.

Он хмурился все больше, и когда Витька опять начал своё «здотеротевоте яте...», старший мальчик вдруг крикнул:

— Три-то было. Точно, — сказал Витька. — Пока.

Он подобрал полы своего матрачного мешка и пошел обратно. Он быстро шел в лагерь, размахивал шлемом и думал, что пусть хоть одну минуту, но был настоящим марсиёнком... А кому еще из ребят приходилось?

И ему стало легче: он уже не чувствовал обиды — и был готов простить Калугина и выступать с ним в концерте.

Михаил Бернович

Говорю тебе, медведь, оторванная лапа,
это все на самом деле,
а не сны.
Мой любимый,
мой хороший папа
завтра возвращается с Луны.
Сколько с мамой мы переживали!

Рисунки Н. Петровой

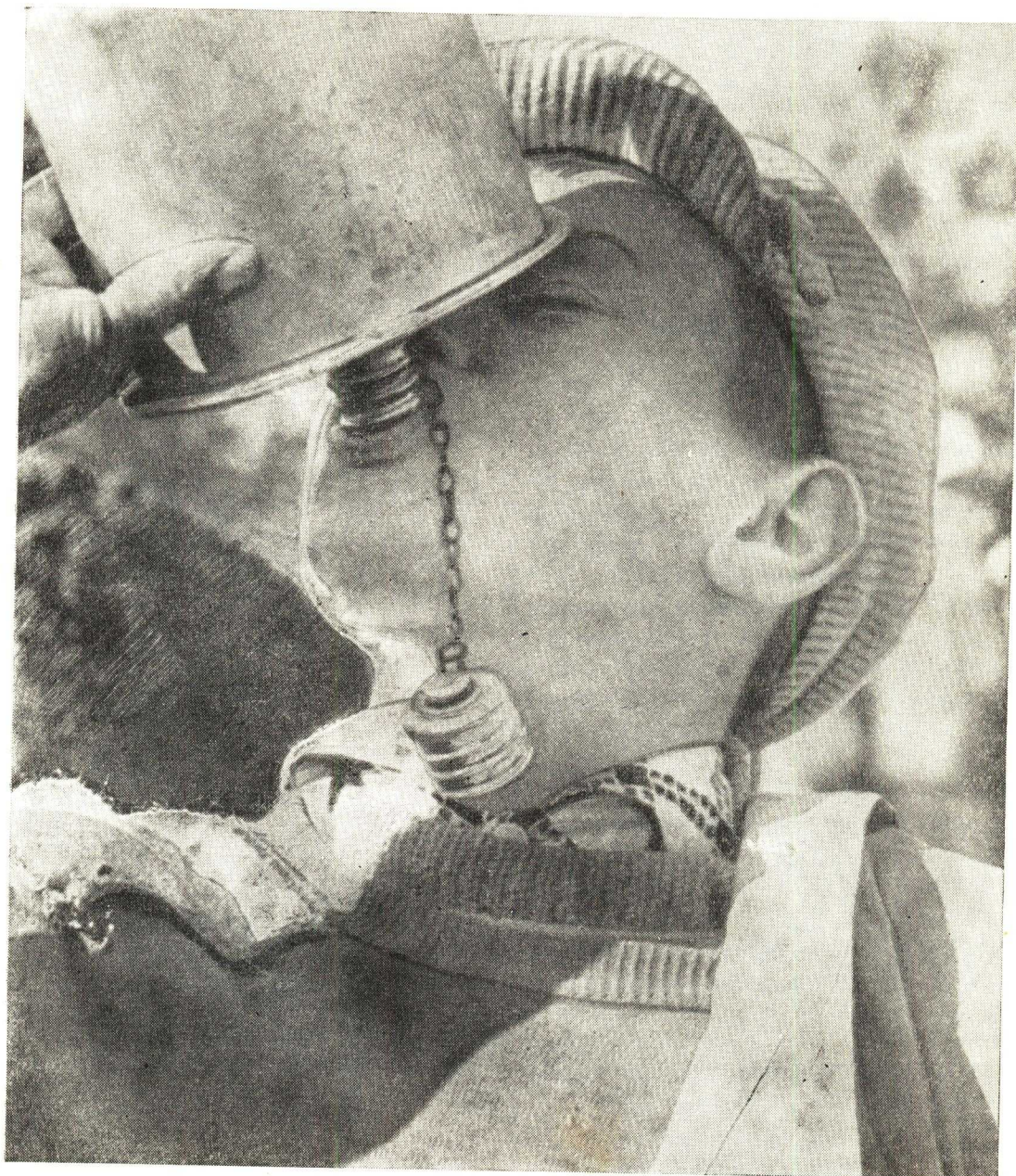
Знаю, не понять тебе, медведь,
Почему
на школьном фестивале
не смогла я песенку пропеть.
Все равно
мне хлопали в ладоши
В Доме пионеров, под горой,
потому что папа мой —
хороший,
потому что папа мой —
Герой.
И никто не скажет:
— Это сказки.
Улетев на космодрабле,
папа в белой кислородной маске
ходит по Луне,
как по Земле.
Целый месяц —
маленьким отрядом,
по громадным циркам,
в холод,
в зной
физик и геолог с папой рядом
ходят, удивляя шар земной.
Мы смотрели телепередачи,
и смеялся папа в вышине:

— Нет для дома отдыха,
для дачи
подходящей рощи на Луне.
Там, медведь,
ни елки, ни болотной кочки,
не цветут вишневые сады.
Никакой воздушной оболочки,
ни зверей, ни рыбы,
ни воды.
Только пыль повсюду по колено,
через горы
проложив маршрут,
папа главный пик назвал
«Елена»,
потому что маму так зовут.
А потом —
медведь, внимательно послушай:
по долинам походив два дня,
он одну из них назвал
Танюшей, —
ты ведь помнишь, так зовут меня!
До свиданья,
мой медведь хороший.
Я с тобой прощаюсь навсегда.
Ты уходишь к братику Сереже,
что живет у Светлого пруда.
Там с утра
носы полощут утки,
пахнет лугом, хлебом, молоком.
Городок наш тихий
стал за сутки
знаменитым в мире городком.
К нам приносят письма, телеграммы
каждый день —
для бабушки,
для мамы...
А в меня мальчишки влюблены.
При любой погоде —
ливне,
громе —
буду завтра я на космодроме:
папа возвращается с Луны!

БИТВА ПРИ ХЕЛЛО-ЯРВИ

*Хелло-Ярви — озеро в
окрестностях Ленинграда*

Пьет из фляги солдат,
А во фляге — лимонад.

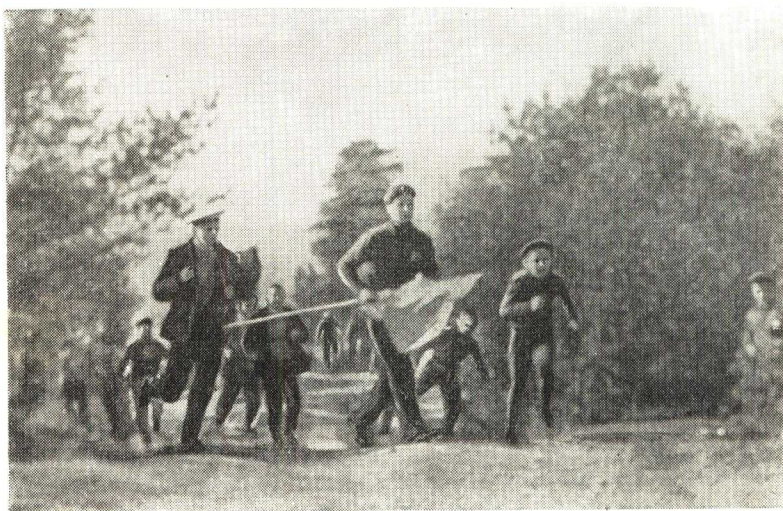
Мы не можем сказать, что решили
Полководцы на этом совете,
Потому что военные планы,
Как известно, хранятся в секрете.

Ждет противника засада,
Ждет противника досада.

Вся армия противника
Гонится за нами,
Потому что нами
Найдено знамя.
Мы несемся,
Как торпеда,
Через сто шагов —
Победа!

В лазарет полевой
Отправляют нас с тобой.
Вышли из погони
При одном погоне.

Раз остался без погон,
То сиди, считай ворон.
Проверено, испытано —
Грустно быть «убитому»...

Приказ о прекращении
Военных действий.
Участники сраженья
Собрались вместе.
Выстроились в линию
Под березами
«Желтые» и «Синие» —
Щеки розовые!

*Репортаж вели наши фронтовые корреспонденты
Л. Виноградов, М. Еремин, А. Ритов*

ЦЕНА БЕССМЕРТИЯ

А. Шалимов

Рисунки С. Острова

Председатель обменялся взглядами с членами президиума и, чуть заметно покивав головой, поднялся на трибуну.

— Высочтимые члены Совета и гости, — медленно начал он, — уже поздно... Все утомлены, многие дезориентированы и колеблются... Президиум полагает, что сейчас не время принимать столь важное решение. Го-

лосования сегодня не будет... Результаты обсуждения рассмотрит Круг Жизни и Смерти. Круг назначит новое заседание либо примет на себя тяжесть окончательного решения, учитывая, конечно, все высказанные здесь доводы. Заседание закрывается...

Сквозь шорох шагов явственно донесся громкий отрывистый смех Шу.

ТАЙНА ЗАКИ-ОБА

Ассистент Од, сидя в подземной лаборатории, задумчиво перебирал большие фотографии Мауны. Он знал на память все их детали, все до мельчайших черточек и чуть заметных пятен, просвечивающих сквозь голубовато-зеленую атмосферу планеты. Вот самый большой из ее океанов, простирающийся от одной полярной шапки до другой, вот второй — поменьше, два треугольных континента между ними. Огромный причудливо изрезанный материковый массив с неясными разноцветными пятнами... Закрыв глаза, Од мысленно представил себе зеленоватые моря с яркими скалистыми берегами, невиданные заросли фантастических голубых растений, города, словно удивительных существ, веселых и оживленных, чем-то напоминающих энов и так непохожих на них. Вот здесь, и здесь, и там находятся их города, огромные города, свет которых проникает сквозь космические дали. Обитатели Мауны живут, грустят и радуются, трудятся и отдыхают, грезят о будущем, и никто из них, ни один, не подозревает о страшной неотвратимой опасности, угрожающей всем от мала до велика, всем без исключения, всей их планете... Правда, решение, кажется, еще не принято, но Круг Жизни

и Смерти может и не объявить его. Ия вчера уехала вместе с Председателем... Она всегда сопровождает Председателя в поездках. Говорят, что Ия его дочь, но даже она сама не уверена в этом. На Эне почти никто не знает своих родителей. Все — дети всех... Этот закон был принят еще за тысячу лет до рождения Ода.

Бессмертные эны! И вот — цена их бессмертия! Если развитие жизни во Вселенной идет по одному пути, может, даже и лучше, что жители Мауны погибнут сейчас и не доживут до «эры бессмертия»?..

Од сжимает руками голову.

Вздор, разумеется, вздор. Эны сами виноваты во всем. Три термоядерных войны... Если бы не войны, все пошло бы иначе. Можно было сохранить моря, жить на поверхности Эны. Пустыни не разрослись бы с такой быстротой, атмосфера не лишилась бы большей части кислорода. А сами эны... Как непохож он сам и его современники на своих далеких предков, живших тысячелетия назад — сильных, веселых, красивых, настоящих и смелых. Теперь они кажутся нам великанами, а в действительности это мы измелчали, стали уродцами-карликами... Сохранились, как уродливый шлак после чудовищных термоядерных шквалов, как новый вид плесени, покрывшей необработываемые

Продолжение. См. «Костер» № 1, 1965 года.

участки Больших плантаций... Сохранились для бессмертия!?

Двери лаборатории бесшумно раздвинулись. На пороге стоял Шу.

— Я знал, что ты здесь и один, — объявил математик, входя. — Мне надо поговорить с тобой.

— Я уезжаю, — тихо сказал Од.

— Знаю, — Шу кивнул квадратной бритой головой. — Потому и пришел. Когда ты едешь?

— Ракета отправляется на Малый спутник раз в полгода. Сарт через три дня.

— Изгнание?

— Так решил Главный астроном. Год я должен буду провести на Малом спутнике, наблюдая интенсивность метеорных потоков.

— Теперь это очень важно... Метеорные потоки! Кому это сейчас нужно, скажи, пожалуйста...

— Эти наблюдения ведутся систематически. На Малом спутнике работает автоматическая внешняя обсерватория. Там сейчас находится астроном Тор. Я сменяю его.

— Ты будешь там совсем один?

— Вероятно. Если не считать автоматов...

— Это хорошо. Там тебе никто не мешает наблюдать Мауну.

— Увы, там нет большого телескопа.

— Но там нет и запыленной атмосферы Эны. Одно другого стоит. Я тебе дам усиливающее устройство к обычному телескопу.

— Почему вы хотите мне помочь?

— Объясню потом... А сейчас едем со мной.

— Куда?

— Далеко... В метеоритный кратер Закиоба.

Од удивленно поднял голову:

— Зачем?

— Там узнаешь. Ты бывал в нем?

— Очень давно, когда учился.

— Тебя возили туда? — удивился Шу.

— Нет, я был один. В юности я много ездил и бродил по поверхности Эны.

— В юности, — недобро усмехнулся Шу. — А сейчас какую пору своей бессмертной жизни ты переживаешь, глубокочтимый Ассистент Од?

— Никогда не задумывался над этим, учитель Шу.

— И напрасно... Так едешь со мной?

— Если Вы этого хотите, учитель Шу.

— Не терплю пустословия. Идем!

— Когда мы вернемся, учитель Шу?

— Когда ты захочешь.

— Но...

— Никаких «но». Мы не воспользуемся

подземными трассами. Я прилетел сюда на вибролете. Он стоит на посадочном круге обсерватории.

Од вложил фотографии Мауны в прозрачную металлическую кассету, задвинул кассету на ее место в фототеке. Хотел взять плащ с шлемом-капюшоном.

Шу остановил его движением руки:

— Не годится. Оставь. В вибролете есть два легких скафандра.

Они вышли из лабораторий, в кабине лифта стремительно вознеслись в первый подземный этаж. По узкой винтовой лестнице поднялись в наземный павильон. За прозрачными стенами павильона все тонуло в мутной красноватой мгле. Сквозь завесу стремительно увлекаемой ураганом пыли чуть просвечивало маленькое багровое солнце.

— Ничего, — сказал Шу. — Здесь близко. Добежим.

Они прошли в низкий прозрачный коридор, разделенный на секции множеством раздвижных дверей. Двери бесшумно раскрывались перед ними и снова задвигались за спиной. В наружных секциях под ногами закрипел песок. Раздвинулась последняя дверь, и в лицо ударил пыльный вихрь. Шу пригнулся и побежал по металлопластовой полосе. Од последовал за ним. Ветер зло и упруго бил в лицо. Под ногами по матовой поверхности металлопласта бежали коричневые струи песка, похожие на быстрых извивающихся змей.

Синеватое полушарие вибролета выросло неожиданно в разрыве между двумя облаками крутящейся пыли. Корпус аппарата покоился на восьми невысоких коленчатых ногах-амортизаторах, глубоко ушедших в песок.

Шу и Од пробрались между амортизаторами под плоское дно вибролета. Люк открылся. Из входного тамбура опустилась легкая площадка. Еще поворот рычага — площадка поднялась; Шу и Од очутились внутри вибролета. Автоматически включился аппарат продувки тамбура. Пыль с лица и одежды исчезла, воздух стал прозрачным. Од облегченно вздохнул, шагнув вслед за математиком в центральную кабину вибролета.

Шу опустился в кресло перед пультом управления, указал Од место возле себя. Аппарат дрогнул и быстро пошел вверх. Дно кабины стало прозрачным; Од увидел под ногами сферические крыши башен обсерватории. Они стремительно проваливались вниз, то появляясь, то снова исчезая в клубящихся тучах красноватой пыли. Быстро светлело,

солнце светило все ярче, стало красным, потом оранжевым. Зона урагана осталась где-то внизу, пыль вокруг исчезла—вибролет перестал подниматься и быстро полетел на юго-восток.

Скорость не ощущалась. Казалось, аппарат висит неподвижно под синевато-фиолетовым куполом неба, а внизу плывут на северо-запад плоские красноватые равнины, местами задернутые клубящейся коричневой завесой песка и пыли.

— Огромную площадь захватил ураган, — заметил Од.

Шу молча кивнул.

Вот разве полосы брошенных плантаций разрослись гуще и, наверно, стали совсем непроходимыми.

Од представил себе бесформенные красноватые наросты, покрытые броней твердых, как металл, игл. Лишь эти растения уцелели в отравленной атмосфере планеты. В течение тысячелетий эны вырабатывали из мясистых стеблей продукты питания. Было время, когда полосы тщательно обработанных Больших плантаций паутиной геометрически правильной сети опутывали экваториальную область планеты. Но с уменьшением числа жителей все большие участки плантаций за-

Пустыня сменилась плоской буроватой низменностью — дном давно исчезнувшего моря. Пересекли одну полосу Больших плантаций, заброшенную тысячелетия назад, потом вторую.

Шу снизил вибролет и еще увеличил скорость. Плоская равнина, словно огромная красноватая река, быстро текла навстречу и исчезала где-то далеко в туманном мареве западного горизонта.

Летели молча. Шу откинулся в кресле и прикрыл массивной рукой глаза, погруженный в глубокое раздумье. Лишь изредка он бросал быстрый взгляд на контрольные приборы.

Од внимательно глядел на плывущие под ногами равнины. Он не был в этих краях Эны много лет. Впрочем, тут мало что изменилось.

брасывались и дичали. Однако и предоставленные самим себе уродливые растения не погибли. Они разрослись непроходимыми чащами, переплели бесформенные тела, скрестили чудовищные шипы и тысячекилометровыми стенами протянулись по пустынной поверхности планеты. Они противостоят натиску ураганов, кочующие пески отступают перед ними. Когда-нибудь они, наверно, покроют сплошным красноватым наростом всю поверхность планеты — дно исчезнувших морей и плоские континенты, развалины древних городов, русла пересохших рек, остатки наземных трасс, посадочные площадки, руины обсерваторий. И под этой живой корой в глубоких подземельях планеты, словно термиты, будут доживать отведенное время бессмертные эны...

Од вздрогнул, сжал зубы.

Шу внимательно глянул на него, усмехнулся и кивнул на лежащие позади скафандры:

— Одевайся. Мы у цели. Вот Заки-оба.

На краю скалистого плоского краснотерья, словно прочерченная гигантским циркулем, лежала воронка. Ее обрамлял невысокий вал.

Далекий горизонт плавно наклонился, низкое оранжевое солнце заглянуло сквозь прозрачный пол кабины. Воронка на краю плато начала расти и разворачиваться. Вибролет шел на посадку.

— Возьмем с собой рефлекторы и лучевые пистолеты, — предупредил Шу, выключая гравитационный генератор вибролета.

Корпус аппарата чуть заметно колыхнулся на коленчатых ногах-амортизаторах и замер.

Од молча пристегнул к поясу скафандра конический футляр с лучевым пистолетом, повесил на грудь рефлектор и вопросительно взглянул на математика.

Шу улыбался, натягивая скафандр.

Од чуть заметно пожал плечами, отвернулся.

— Ты был здесь пятьдесят лет тому назад, Ассистент Од, — сказал Шу. — За это время новый вид плесени начисто сожрал целый пояс Больших плантаций в западном полушарии... В этих необитаемых местах тоже могло кое-что измениться. Особенно за последние недели...

— Что Вы имеете в виду, учитель Шу?

— Что имею в виду?... Гм... Посмотрим... Может быть, и ничего важного...

— Учитель Шу, объясните, наконец, зачем...

— Привез тебя сюда, так? Чтобы поискать доказательств твоей гипотезы.

— Моей гипотезы?

— Ну да. Гипотезы обитаемости иных миров. Насколько понимаю, ты утверждаешь, что не только на Эне существует жизнь.

— Я говорил о Мауне, учитель Шу.

— Это одно и то же. Ты твердишь, что не только на Эне могла возникнуть жизнь, более того — разумная жизнь... А наш общий друг — Главный астроном утверждает, что Эна — единственная колыбель жизни, если не во всей Вселенной, то, по крайней мере, в галактике.

— Не понимаю, как это связано с кратером Заки-оба?

— Жаль... Может быть, поймешь позже. Идем.

Выйдя из вибролета, Шу долго осматривался, заглядывая в окуляр рельефной микрокапты, которую захватил с собой.

Ассистент Од с любопытством глядел вокруг. Плоское дно гигантской воронки было

покрыто мелким красным песком. Местами из-под песка торчали куски шлака, ребра оплавленных каменных глыб, похожие на брызги пятна окисленного металла. Вдали, замыкая со всех сторон горизонт, тянулся зубчатый внешний вал метеоритного кратера. Трудно было вообразить, что в былые времена где-то тут располагался огромный город и еще сейчас на глубине, вероятно, сохранились остатки подземных сооружений, заваленные нагромождениями метеоритных глыб и занесенные песками Эны.

— Найти будет нелегко, — сказал наконец Шу. — Все засыпал проклятый песок.

— Что вы хотите искать, учитель Шу? — поинтересовался Од.

— Самую большую из метеоритных глыб. Она где-то в центре кратера. На карте хорошо видно... Вот, смотри. А в действительности вокруг один песок.

— На этой карте кратер показан более глубоким, — заметил Од.

— Еще бы, карта составлена около двух тысяч лет назад, когда разведывались метеоритные глыбы. С тех пор ураганы немало потрудились, засыпая воронку.

— Я, кажется, помню, где была центральная глыба, — сказал Од. — По-моему, это чуть восточнее, за той песчаной грядой... Идемте.

— Да, это, конечно, она, — заметил Шу, когда после долгого блуждания среди плоских гряд рыхлого песка, покрытого ветровой рябью, Од подвел его к невысоким зеленовато-серым скалам... — Сразу видно, не наши породы.

— В центре находился вход в шахту, — припоминал Од. — Там была предупреждающая надпись, и я не посмел...

— Вот-вот, — обрадовался Шу. — Он-то нам и нужен, этот вход. Показывай...

Солнце уже коснулось далекого гребня кольцевого вала кратера, когда Од разыскал среди лабиринта оплавленных зеленоватых скал воронкообразное устье наклонной шахты. В глубине шахты царил непроглядный мрак. Шу включил рефлектор, но яркий луч, осветив отполированные стены и ступеньки узкой крутой лестницы, потерялся в бескрайней тьме.

— Да, очень глубокая, — сказал Шу, словно отвечая на чей-то вопрос. — Это должно быть там...

Од указал на остатки надписи, вырезанной лучевым метателем прямо в скале, возле входа в шахту:

«Опасность обвалов. Вход категорически запрещен. В случае нарушения...»

Дальше надпись стерлась.

— Это должно быть там, — повторил Шу. — Это очень важно... Не бойшься?

Од посмотрел вокруг. Солнце почти исчезло за кольцевым хребтом. Быстро темнело. Вдали из-за красно-фиолетовых песчаных гряд и зеленых скал чуть виднелась вершина блестящей полусферы вибролета.

— Ночь наступает. Может, отложить до завтра? — Од вопросительно взглянул на математика.

— Там внизу все равно темно, — нахмурился Шу. — Если сигнализация еще работает, нам могут помешать. Надо торопиться.

— Сигнализация?

— Да, была раньше. Давно... На случай, если бы кто-то отважился спуститься... Но думаю, что она вышла из строя... Многие сети связи и сигнализации не действуют уже сотни лет. Надеюсь, эта также.

— Учитель Шу...

— Идем, идем. Там все станет ясно. — Шу решительно шагнул к отверстию шахты.

Они долго спускались по разбитым ступеням крутой каменной лестницы. Высокий иссеченный трещинами свод матово поблескивал в лучах рефлекторов. Позади, далеко вверх, глаз едва различал чуть заметное красноватое свечение вечернего неба. Потом шахта изменила направление, и светлое пятно входа исчезло. Мрак, пронизываемый лишь дрожащими лучами рефлекторов, плотно окружил Ода и Шу. Ствол шахты начал ветвиться. В стенах появились отверстия, ведущие в целый лабиринт боковых ходов. Некоторые ходы были горизонтальны, другие круто уходили вниз, третьи вели вверх.

Шу уверенно продвигался вперед. Он свернул в один боковой ход, потом в другой, потом они долго шли чуть наклонным коридором. Од совершенно потерял ориентировку и слепо следовал за математиком. Два или три раза Шу останавливался, заглядывал в окуляр микроарты и снова шел дальше. Бросив взгляд на счетчик времени, Од сообразил, что спуск продолжается уже более часа.

«Мы углубились километра на полтора, — думал он. — Огромная глыба. Пожалуй, самая крупная из известных метеоритов. Разумеется, это была чудовищная катастрофа — падение такого обломка Фои».

— Оно должно быть где-то здесь, — сказал вдруг Шу. — Внимательно осматривай стены, Ассистент Од. Оно может быть только здесь...

— Обвал, — объявил Од. — Впереди обвал. Пути нет.

Шу раздраженно пробормотал что-то.

— Эта часть метеоритной глыбы, кажется,

состоит из осадочных формаций, — продолжал Од. — Видна отчетливая слоистость. Породы непрочные. Получился обвал...

Шу осветил рефлектором нагромождение угловатых глыб, преградивших путь.

— Обвал совсем свежий, — заметил он. — Недавний...

— Вероятно, не старше нескольких лет, — согласился Од.

— Или дней, — возразил математик. — Это искусственный обвал, Ассистент Од. Взгляни на трещины... Нас опередили...

— Опередили? Кто и в чем?

— Кто, можно лишь догадываться, а вот в чем... гм... Посмотрим, какова глубина завала.

Шу вынул из кармана скафандра маленький лучевой зонд и, отойдя на несколько шагов от нагромождения камней, направил на них антенну излучателя. Стрелки прибора заколебались и замерли неподвижно.

Шу быстро прикинул в уме результат.

— Ну, разумеется, — зло усмехнулся он. — Завалено до самого конца. Этот тоннель кончился тупиком. Точная работа... Без роботов тут ничего не сделаем. Надо возвращаться.

Од вопросительно глянул в глаза математика.

Шу пожал плечами:

— Я хотел показать тебе кое-что интересное, Од. Не получилось... Извини!

— Что здесь было?

— Одна из тайн... Круга Жизни и Смерти. Ты не ошибся, Ассистент Од. Это действительно осадочные породы. Кусок самой внешней оболочки планеты Фои. Планеты, уничтоженной для того, чтобы сохранить бессмертные энов. Она ведь была необитаема и безжизненна, эта Фоя, взорванная нами два тысячелетия назад. Необитаема и безжизненна, не так ли? Это было установлено самой точной наукой — астрономией, ха-ха... И знаменитый астроном Уот подтвердил это. Архивы Уота были потом уничтожены, а может, их просто хорошо припрятали. Но кое-что сохранилось... я вспомнил, благодаря этому древнему олуху — учителю Эгу... Вчера мне удалось разыскать один очень старый и очень секретный документ. В свое время он послужил главной причиной осуждения Уота... Когда разведывали метеорит Заки-оба, тоннель, в котором мы сейчас находимся, вскрыл во внешней оболочке Фои останки существа, чрезвычайно похожего на нас — энов: останки одного из разумных обитателей уничтоженной нами «необитаемой» планеты...

ИЗГНАНИЕ

Од молча следовал за Астрономом Тором по бесконечным переходам, заброшенным лабораториям и пустынным залам Малого спутника Эны. Тор показывал немногие действующие приборы, автоматические самопишущие

Од. Ты очень молод, легко выдержишь... А в моем возрасте... Склады продовольствия внизу. Для жилья выберешь любую кабину. Их тут десять тысяч. Я жил в самом низу. Безопаснее на случай метеоритов; особенно после того, как осуществляют Великий Опыт. Аварийная ракета в центральном ангаре. Но ею разрешается пользоваться лишь в случае прямого попадания крупного метеорита и разрушения обсерватории. Кстати, утверждено ли решение о Великом опыте?

— Не знаю, — тихо сказал Од. — Голосования на Совете так и не было. А что решил Круг Жизни и Смерти...

— Разумеется, Круг должен решить это сам, — веско заявил Тор. — И он решит: это вопрос его компетенции. Обсуждение на Совете — проформа. Великий Опыт необходим, необходим нам всем. Лишь глупцы и чудаки могут колебаться...

— Но если Мауна обитаема... — возразил Од.

— Вздор... И, в конце концов, дело даже не в этом. Речь идет о большем — о нашем бессмертии. Не так ли, Ассистент Од?

Од не ответил.

— Кстати, — продолжал Тор, — чуть не забыл... В поле локаторов несколько недель назад попал какой-то странный предмет. Вероятно, крупный метеорит, хотя размер и форму определить еще нельзя. Он пока далеко, но идет на сближение с Эной. Я не успел произвести точного расчета траектории. Если это осколок Фои, —

они иногда еще пересекают орбиту Эны, — надо сообщить наводящим станциям, чтобы попробовали перехватить. Может, он содержит радиоактивные вещества? Ты займись им, Ассистент Од. Теперь важен каждый крупный метеорит. Вопрос только, попадет ли он в радиус действия наводящих станций... Сейчас он движется в секторе В—В—181... Ты понял меня?

Од молча кивнул.

— Раньше на этом заброшенном спутнике не было постоянных наблюдателей, — снова заговорил астроном Тор, когда осмотр лабораторий был закончен. — Я сидел тут год, что-

установки, регистраторы метеоритной пыли, фотографирующие устройства Внешней обсерватории, размещенной на давно покинутом спутнике. Астроном Тор торопился вернуться на Эну. Ракета отправлялась через несколько часов.

— Год провести здесь, конечно, нелегко, — говорил Тор. — Сказывается расстояние до Эны, до ее Генераторов бессмертия... Я чувствую себя очень усталым и, кажется, за один год постарел на много лет. Генераторы прочно привязывают нас к Эне. Достаточно отдалиться хотя бы на время, и прощай бессмертие. Тебе, впрочем, это не так страшно, Ассистент

бы выверить и отрегулировать автоматические приборы. Эта работа выполнена и, откровенно говоря, у тебя, Ассистент Од, будет не много дела. Автоматы превосходно справляются сами... Можно подумать, что на Эне появился избыток астрономов и Совет решил снова сделать спутники обитаемыми. Или тебя послали потому, что Мауна скоро превратится в метеоритное облако, и Главный астроном еще не нашел тебе достойного дела? Как, Ассистент Од?

— Не знаю...

— Однако, ты не очень разговорчив... Не грусти; год пройдет, и ты возвратишься. А может, после Великого Опыта тут станет «горячо», и тебе придется убраться раньше... Метеоритные потоки Мауны могут так издырять оба спутника, и Большой, и этот, что сделают их окончательно негодными для использования. Наши далекие предки действовали с размахом, но не очень задумывались о будущем. Создали в космосе чудовищные конструкции, а мы теперь не знаем, как их использовать.

— Наши далекие предки не рассчитывали, что потомки предпочтут остаться пленниками Эны, — возразил Од. Его начала раздражать самоуверенная болтовня Астронома Тора.

— «Предпочтут остаться пленниками», — усмехнулся Тор. — Прав Главный астроном... Любишь ты громкие фразы, Ассистент Од. Просто удивительно, как ты не понимаешь наиболее важного. Иногда мне начинает казаться, что некоторые из наших бессмертных морально не доросли до бессмертия. И не заслуживают его... Вот ты, например...

— Я не добивался его, — резко перебил Од.

— Разумеется... Оно теперь дается каждому, рожденному на Эне. Каждому, Ассистент Од. Раньше существовал отбор: право на бессмертие приобретали достойнейшие. Теперь все... Исторический закон прогресса...

— Или закон убывающей рождаемости, которая стремится к нулю, а может, и достигла нуля?

— Фи, Ассистент Од. Отвратителен этот твой критицизм. Во всем ты видишь отрицательное. Даже высочайшую гуманность готов истолковать с дурной стороны... Прекратим этот спор... Лучше расскажи последние новости. Здесь так скверно работают каналы лучевой связи, что мне почти ничего неизвестно...

— Какие новости могут быть на Эне? Каждый занят своим делом и все.

— Никто не умер?

— Не знаю. Ведь это держат в тайне.

— Ну, любая тайна рано или поздно перестает быть тайной, а кое о чем можно догадаться.

— Не слышал... Впрочем, на последнем заседании Высшего Совета по каналу лучевой связи выступил отсутствующий в зале высокочтимый учитель Хор. Перед выступлением Председатель объявил, что учитель Хор — член Круга Жизни и Смерти. Кажется...

— Все ясно, Ассистент Од! А ты говоришь, нет новостей. Значит, эта древняя мумия дожила-таки до предела бессмертия. Интересно, сколько ему лет? А?

— Не знаю.

— Верно, не меньше трех тысяч... Да, я уже не раз слышал, что три тысячи это пока предел. Три тысячи... Ну ничего, когда мы доживем до такого возраста, надеюсь, он перестанет быть пределом. Недаром больше половины жителей Эны работает над проблемой расширения границ бессмертия.

— Откуда Вы знаете все это, Астроном Тор?

— А не надо быть глупцом, мой милый. Вздор, что у нас нет информации. Есть! Надо только уметь ее достать... Вот так... А в отношении старого Хора можешь не сомневаться. Состав Круга Жизни и Смерти — величайшая тайна. Тут почти все каналы информации бессильны. Известными становятся только имена членов Круга, которые умерли или должны умереть... Старого Хора уже больше не существует. Это так же верно, как и то, что я через несколько часов буду на Эне.

— Хор был великим ученым...

— Был... Две тысячи лет назад. Признаться, я думал, он уже давно умер. А он вот как... Разумеется, последние столетия пользы от него было, как от мумии...

— Простите меня, Астроном Тор, но можно ли так говорить о великом учителе Хоре?

— Святая наивность! Здесь никто не услышит... Система тайной сигнализации связи на спутниках никогда не закладывалась. Ее изобрели, когда спутники были уже покинуты. Здесь можно говорить что угодно, когда угодно, о ком угодно... Конечно, с глазу на глаз.

— Астроном Тор, а Вы никогда не думали, что рано или поздно доживете до того же предела, до которого дожил учитель Хор... Я имею в виду не его бессмертные открытия, а... состояние... живой мумии, как Вы сказали.

— Гм... А об этом не надо думать, Ассистент Од. Есть вещи, о которых не надо думать. И потом... за тысячи лет нашей практически бессмертной жизни границы бессмертия обязательно отодвинутся, обязательно,

Ассистент Од... Разве Вы думаете иначе? Скажите?

Од молчал

— Скажите же, — настаивал Тор. — Не бойтесь. Никто не узнает, а мне интересно ваше мнение... Вы неглупы и, значит, не могли не думать об этом.

— Я не боюсь говорить о том, что думаю, — сухо сказал Од. — Даже там, на Эне. Поэтому я сейчас здесь... Но теперь мне не хотелось бы продолжать разговор на эту тему... с Вами, Астроном Тор... Не обижайтесь, мы слишком разные и все равно не пойдем друг друга... Позвольте лучше я помогу Вам собраться. Время истекает.

— А у меня уже все собрано, — обиженно произнес Астроном Тор. — Давно собрано... Ты чудак... Тебе надо было родиться раньше, гораздо раньше, Ассистент Од!

Ракета с пилотом-автоматом стартовала точно по расписанию, увозя Астронома Тора. Од остался на Малом спутнике один.

Несколько часов Од бесцельно бродил по пустым коридорам, спускался и поднимался по бесконечным винтовым лестницам, ведущим с этажа на этаж. Мягкий красноватый свет, наиболее привычный для глаз энов, заливал внутренние помещения Малого спутника. Светились стены, в некоторых залах — потолки, сделанные из особого металлопласта. Тысячелетия светился металлопласт, изготовленный руками далеких предков Ода. Пройдут еще сотни лет, а здесь, в этом полом металлическом шаре, по-прежнему будет светло и тепло. Так будет все время, пока солнечные лучи нагревают внешнюю оболочку Малого спутника...

Для жилья Од выбрал небольшую кабину в самом верхнем этаже, возле зала с телескопом. В полусферическом потолке кабины находилось овальное окно. Од отодвинул наружную бронированную штору и увидел черное небо с россыпью ярких немигающих звезд и красноватый край огромного диска Эны.

Сквозь буро-оранжевую вуаль насыщенной пылью атмосферы чуть просвечивал геометрический узор Больших плантаций западного полушария. Это были древнейшие линии Больших плантаций. Их закладку начали очень давно: тогда еще существовали остатки морей. По первоначальному замыслу линии плантаций должны были графически воплотить основные положения геометрии сферических фигур. Потом от первоначального плана пришлось отступить: не везде удалось создать зоны подземных водохранилищ, питающих плантации. Многие погибли во время термоядерной войны, некоторые полосы уничтожила плесень...

План был грандиозен. В его реализации сотни лет участвовало все многомиллиардное население Эны. Удалось спасти часть поверхностных водоемов; остатки высыхающих морей, почти испарившихся от взрывов гигантских термоядерных бомб второй войны, были спущены в подземные хранилища. Созданная над водохранилищами сеть плантаций разрешила главную проблему Эны. Все народы были обеспечены пищей. Началось стремительное развитие техники, постройка космических кораблей, гигантских искусственных спутников... Поэты писали о вечном мире, о золотом веке Эны, об эпохе космоса. Ученые ждали братьев по разуму из систем ближайших солнц. Узор Больших плантаций Эны должен был стать надежным маяком для космонавтов иных миров, когда они проникнут в Систему...

А потом — кошмар третьей термоядерной войны. Так и не удалось установить, что явилось ее причиной. Историки знают, почему разразилась первая война, догадываются о том, что привело ко второй, но третья!.. Скорее всего, у правительства одного из государств Эны в какой-то трагический момент не хватило выдержки. Слабая рука нажала кнопки на пульте жизни и смерти. И взвились из подземных укрытий аннигилиновые ракеты. Третья война была самой короткой и всеуничтожающей. Погибло многомиллиардное население Эны, сгорели Большие плантации, испарились последние капли воды с поверхности планеты, расплавились и растеклись потоками огненной лавы горные хребты. Самое удивительное, что несколько тысяч энов все-таки ухитрились пережить все это. Уцелели те, кто находился глубоко в недрах планеты: в зоне подземных водохранилищ, в секретных лабораториях, на постройке подземных городов, которые тогда только начали создавать.

Они уцелели — сотая или тысячная доля населения планеты. И начали все сначала. Им на помощь пришла природа. Плантации постепенно восстановились, после того как ослабли чудовищные радиоактивные ураганы. Растения видоизменились, стали низкорослыми и уродливыми, но, даже будучи отравлены излучением, еще годились в пищу. И уцелевшие эны, тоже изуродованные физически и морально, отравленные радиоактивностью, выжили. В этой поразительной, ни с чем не сравнимой борьбе эны еще раз одержали победу. Во всяком случае, они думают так... Радиоактивная пустыня не убила их. Более того: она вынудила искать пути к бессмертию...

Глядя на едва различимый сквозь красную

ватую мглу узор Больших плантаций, Од горько улыбался.

Бессмертные эны! Учитель Хор, Председатель, старый Эг, Астроном Тор... Разве эта мумификация заменяет бессмертие жизни с ее вечным обновлением? Настоящее бессмертие — там, на Мауне; оно было на Фое, преступно уничтоженной две тысячи лет назад. Оно на миллионах планет бесчисленных солнц. А здесь тупик, ужасающий тупик, как тот, в котором Од побывал вместе с Шу... Мир живых мертвецов, мир призраков, рвущихся к бессмертию. Этот мир во что бы то ни стало, вопреки всем законам жизни, хочет

существовать. И, подобно раковой опухоли, уничтожает все живое. Что делать, где найти выход?... О, они не случайно отправили сюда его — Ода. Там был хоть Шу... Трудно понять, чего он хочет, этот Шу, но он не такой, как все. Там — Главный астроном. Он не разделяет мысли и чувства Ода, но он и не с теми, кто голосовал бы... Од убежден в этом...

А здесь Од совсем одинок, один внутри пустой металлической конструкции мертвого спутника... И все же выход должен быть. Надо только найти его. Думай, Од, думай!..

И Од думал, устремив взгляд к далеким немигающим звездам...

ИЯ ХОЧЕТ ЗНАТЬ

Главный астроном провел полночи у Большого телескопа. Только с рассветом, когда зеленая Мауна поблекла в солнечных лучах, он оторвался от окуляра оптической трубы и выключил автоматические регистрирующие устройства.

Ночь выдалась тихая. Атмосфера Эны была на редкость прозрачна. Разноцветные пятна на поверхности Мауны различались отчетливо. Кажется, на этот раз он видел и ночные блики, которые Од называет отблесками городов... Интересно, что покажут фотографии...

Главный астроном откинулся в кресле. Опустил подбородок на сплетенные тонкие пальцы. Думал...

Конечно, Од — увлекающийся фантазер. Но он превосходный наблюдатель. Его карты Мауны поразительно точны. С веками придет рассудительность, и из Ода выйдет талантливый астроном... С веками... Но как уберечь его? Если бы Ия согласилась... Она была дружна с Одом...

Главный астроном встал и принялся ходить по огромному залу.

Ия обещала приехать. Скоро она должна быть здесь. Председатель и почти все члены Высшего Совета сейчас на космодроме Черной пустыни. Может быть, отсутствие Ии пройдет незамеченным... Если бы она согласилась! Ракета отправится на Малый спутник сегодня. Сколько времени Од там один? Астроном Тор возвратился полгода назад. Значит, полгода... Ну конечно... Уже более полугода минуло со дня того заседания...

Осветился экран внутренней связи. Монотонный, похожий на жужжание голос робота-наблюдателя информировал:

— На площадке обсерватории совершил посадку вибролет. Пилот хочет видеть Главного астронома.

— Хорошо, — сказал Главный астроном. — Передать: жду в инструментальном зале Большого телескопа.

— Понял, — прозвучал в ответ голос робота-наблюдателя.

Главный астроном подошел к экрану. Переключил его. На экране появились контуры приземистых зданий обсерватории. По засыпанной красноватым песком дорожке в развевающемся белом плаще с откинутым капюшоном бежала Ия...

— Я не опоздала, учитель? Так что надо делать?

— Садись и поговорим... Здесь никто не мешает. Рад, что приехала.

— Могло ли быть иначе, учитель!.. Од?..

— Да. Сегодня объявят о начале Великого Опыта. Если Од услышит...

— Я думала об этом. Но лучевой связи с Малым спутником почти нет.

— Помехи. Последние месяцы Генераторы бессмертия снова увеличили мощность.

— Да... После того, как Круг Жизни и Смерти решил повторить Великий Опыт...

— Ия, недавно мне удалось побеседовать с Одом. Он утверждает о еще одном важном открытии. О каком-то космическом снаряде... Он считает, что снаряд запущен с Мауны...

— Вы рассказывали об этом Председателю, учитель?

— Нет... Я плохо понял Ода. Мог ошибиться... Кроме того, теперь... все равно... Судьба Мауны решена. Старт аннигиляционной ракеты...

— Отложен, учитель. На два-три дня.

— Причина?

— Кажется, в ракете должны установить еще какой-то навигационный прибор. Когда я улетаю с космодрома, видела, как его привезли.

— Срок годности расчетов истекает через три дня. Если старт не состоится, все вычисления траектории придется производить заново. Это потребует нескольких месяцев... Тогда старт...

— Нет, нет... Ракету должны отправить в назначенное вами время. Председатель помнит... Поэтому не покидает космодрома и сам торопит всех.

— Так... Твое присутствие там обязательно?

— Сейчас нет, но перед самым стартом... Думаю, что в моем распоряжении почти два дня... Что надо делать?

— Лететь на Малый спутник. К Оду.

— Хорошо. Что еще?..

— Значит, согласна?

— Конечно. Что еще?

— Предупредить его. Ведь он не знает о Шу...

— Учитель, Шу был в Заки-оба один.

— Возможно, но многие считают, что и Од...

— Я сама слышала слова Шу, что в подземельях Заки-оба он был один...

— Тем не менее многие считают, что Од также должен предстать перед Кругом Жизни и Смерти...

— После Великого Опыта об этом забудут.

— Поэтому я и хочу предупредить Ода, чтобы он ни в коем случае не покидал спутника. Я не мог прямо сказать ему об этом по каналу лучевой связи. Узнав о Великом Опыте, он может... Ты должна побывать у него... Ус-

покой его и предупреди. Расскажи о судьбе Шу. Передай мой приказ. Он должен оставаться на Малом спутнике до конца этого года и весь следующий... Весь следующий год! Ты поняла? А потом он может вернуться в Главную обсерваторию. Я буду ждать его. Поняла?... Ия?

— Учитель, я знаю, последние недели вы наблюдали Мауну. Что?..

— Ничего нового, девочка...

— Значит, Од ошибался?

— Од всегда был немного фантазером. Разве ты не знаешь?

— Вы не отвечаете на мой вопрос, учитель. Од заблуждался или... он в чем-то прав?

— Я не могу ответить на такой вопрос. По-

верь мне... Я просто не знаю... Одно — предполагать, а другое — быть уверенным. Да, множество ночей провел я у этого телескопа. И не видел многого из того, что как будто видел Од; а то, что я наблюдал, можно истолковать совершенно иначе... На Мауне все так загадочно, но... Самое главное, теперь уже ни я, ни ты, ни Од, никто ничего не сможет изменить...

— Но быть может...

— Лети, Ия, и сделай так, чтобы Од ни при каких обстоятельствах не покинул спутника. Ты это можешь... И еще одно. Там на спутнике есть... аварийная ракета. Она должна... стать неисправной после твоего отлета... Пойми, мы должны сделать все, чтобы Од не смог покинуть Малого спутника...

ОД ПРОБУЕТ НАЙТИ ВЫХОД

Ракета должна была совершить посадку через несколько минут. Она уже дважды обошла Малый спутник. Од отчетливо видел на фоне звезд сигнальные огни и светящийся хвост плазмы, извергаемой дюзами.

Од кусает губы от нетерпения...

Скорей бы... Он полетит, несмотря на все запреты. Он должен знать, что происходит сейчас на Эне. Неужели эти безумцы решились? И это теперь, когда получены бесспорные доказательства...

Стоя на поблескивающих металлических плитах посадочной площадки, Од вглядывается в черноту звездного неба. Ажурное сплетение полос над головой — это противометеоритная сеть. Она создает защитное гравитационное поле, и рои метеоритов огибают Малый спутник. В зените темные полосы сети вдруг ярко вспыхивают и затем исчезают. Сеть раскрылась, чтобы принять корабль. Вот и он сам. Плазменный двигатель уже выключен. Голубоватый, заостренный с концов цилиндр вертикально снижается к посадочной площадке, выставив растопыренные коленчатые ноги-амортизаторы.

Легкое сотрясение поверхности спутника. Ноги ракеты коснулись плит посадочной площадки... Сейчас откроется люк и роботы начнут выгрузку. Люк открывается. В нем вырастает высокая фигура в белом скафандре.

Од слышит в разговорном диске своего шлема знакомый голос.

— Ия! Ия здесь?..

И он бежит к огромному корпусу ракеты.

Малочисленность энов давно приучила их не тяготиться одиночеством. Но провести пол-

года в пустой металлической сфере в обществе одних роботов не пустяк даже для влюбленного в свое дело исследователя... Од вдруг почувствовал это необычайно остро. А еще он понимал, что никого так не хотел бы увидеть здесь сейчас возле себя, как Ию. Ее прилет был похож на чудо.

— Ты? — еще не веря глазам, спрашивает он и осторожно касается металлопластовыми рукавицами гибкой ткани ее скафандра.

Она улыбается:

— Конечно... Неужели я так изменилась за полгода?

— Нисколько. Хотя впервые вижу тебя в скафандре...

— И я тоже...

Первые ничего не значащие фразы... Вопросы, ответы на которые не дослушиваются до конца. Од ведет Ию во внутренние помещения спутника. Уже сброшены скафандры. Ия закручивает длинные красновато-бронзовые волосы и рассказывает о чем-то совсем не важном. Од глядит на нее с непостижимым для него самым удивлением. Там, внизу, на Эне, она не казалась ему такой красивой. В ней есть что-то от женщин эпохи древних царств — бесконечно далекой эпохи мужества, звучных стихов, поклонения красоте.словно одна из прекрасных статуй, украшающих подземный город Искусств, сошла с высоты пьедестала и перенесена сюда, на мертвый спутник.

Од впервые замечает, как красивы руки Ии, как нежна смуглая кожа, какая глубина мысли и знания в больших синевато-зеленых глазах. Чуть откинув голову, она все еще не может справиться с тяжелыми прядями волос

и смущенно улыбается. Вместо широких белых одежд, которые носят женщины на Эне, скрывающих фигуру, шею и руки, на ней короткая, красная, шитая серебром туника. Ожерелье из мерцающих красноватыми огнями камней на смуглой шее. Тонкая серебристая ткань трико плотно облегает стройные длинные ноги. Красота давно минувших поколений возродилась еще раз в этой последней дочери энов...

— Как ты прекрасна, Ия, — неожиданно для себя говорит Од.

— Тебе кажется, — смеется она. — Просто ты долго был один.

— Нет, не кажется, — неуверенно возражает он. — Это правда. Но я только теперь увидел...

— Если не забудешь, можешь вернуться к этой теме там, внизу... — Ия с улыбкой указывает в окно на багрово-красный диск Эны. — Там, внизу... через полтора года...

— Полтора года?

— Да, Од. Это приказ твоего учителя.

— Но...

— Ты должен подчиниться. Пойми, изменить ничего уже нельзя. Круг Жизни и Смерти принял бесповоротное решение. Его объявят завтра. И послезавтра на рассвете с космодрома Черной пустыни стартует межпланетный корабль. Он унесет с собой все запасы аннигилина Эны, выработанные Реакторами бессмертия за две тысячи лет. Через несколько недель на субсветовой скорости он встретится с Мауной...

— Как видишь, до Второго Великого Опыта остался один шаг. И теперь этот шаг уже не может быть не сделан. Последние недели твой учитель наблюдал Мауну... Он...

— Передал ли он Совету о моем последнем открытии?..

— Он плохо понял, о чем шла речь, Од... Помехи в лучевой связи.

— Так...

— Не унывай... Множество открытий не получило признания и в конце концов было опровергнуто. У тебя еще все впереди.

— И ты можешь говорить так! Я же показывал тебе в Большой телескоп Эны отблеск городов Мауны.

— Но твой учитель утверждает...

— Что он может утверждать! Имеет ли он для этого право?.. Пусть, пусть это не отблеск городов... Вот запись электронных машин. Анализ пути того космического тела, о котором мне сказал Астроном Тор. Вот записи локаторов, расчеты траектории. Я повторил их десятки раз. Смотри... Это космическое тело отправлено с Мауны. Либо на нем

летят разумные существа, либо он управляется по каналам лучевой связи с космодрома, с которого взлетел. Он шел на сближение с Эной, но потом отклонился. Я не знаю, в чем дело. Может быть, их вообще не интересовала наша планета, и цель корабля совершенно другая. Либо это неудачный эксперимент? Главное в том, что на Мауне есть жизнь, разумная жизнь, Ия... А мы....

— Бедный Од, даже если ты и прав, уже поздно... Пойми... Но для нас всех было бы лучше, гораздо лучше, чтобы на этот раз ты ошибся. Ах, я так мало знаю, чтобы решать сама... За твоим учителем и другими опыт веков... Твоим открытиям не хотят верить...

— Ия, где сейчас Шу?

— Шу? Зачем... он тебе?

— Он один мог бы еще помочь, посоветовать. Где он?

— Од, видишь ли... Это страшно, но ты должен узнать... Шу еще пять месяцев назад был поставлен перед Кругом Жизни и Смерти. Он осужден и... исчез. Именно еще и поэтому твой учитель хотел... Понимаешь, дело в том, что...

— Понимаю... Значит, как только я возвращусь на Эну, меня тоже...

— Нет, нет, Од... Шу осужден не за выступление на Совете. Уже после этого он... нарушил один запрет... Проник в подземелья.

— Заки-оба? Я был с ним там, Ия.

— Нет-нет... Не наговаривай на себя... Шу сказал, что был один. Совсем один. Его сопровождал робот.

— Я был с ним. Я... Он солгал, чтобы спа-

сти меня. Ты знаешь, почему под страхом смерти запрещен вход в то подземелье? Там доказательства обитаемости Фои, Фои, которую мы уничтожили ради своего бессмертия.

— Невозможно, Од... Что же это? Ты видел... их?

— Нет. Кто-то побывал в подземелье незадолго до нас с Шу. Конец тоннеля, где находился отпечаток разумного обитателя Фои, взорван. Но Шу разыскал в каком-то архиве документы...

— Все это похоже на страшный сон. Не верю, не могу поверить... Что же делать?

— Надо попытаться спасти их... там, на Мауне...

— Но как, Од? Это уже невозможно... Послезавтра на рассвете... Ты даже не успеешь собрать сторонников для своих доводов. Едва появишься на Эне и начнешь что-то доказывать, тебя схватят роботы Круга Жизни и Смерти.

— Доказывать уже поздно, надо действовать...

— Как?

— Задержать отлет корабля на несколько дней. Потребуются новые расчеты пути. Будет выиграно время...

— Пойми, в ближайшие два дня корабль может быть отправлен в любой момент, для этого достаточно нажать кнопку. В случае угрозы задержки Председатель так и сделает... Дополнительное наведение осуществят потом по каналам лучевой связи...

— Попытаться испортить что-то в системе управления?

— Как туда проникнешь?.. Корабль стерегут роботы.

— Тогда остается одно...

— Что?

— Уничтожить корабль!

— С его зарядом аннигилина? Это может привести к гибели всей Эны...

— Что ж, она заслуживает такого конца!

— Од, ведь это наша родина...

— Да, конечно... Неужели нет выхода? Иного выхода, Ия?

— Боюсь, что нет... Надо... покориться...

— Ни за что... Возвращаемся на Эну, Ия. Немедленно...

— Это гибель. Ты погибнешь, Од.

— Неужели ты думаешь, что, зная обо всем, я останусь тут?.. Останусь, зная, что Мауна населена разумными существами. Останусь, чтобы этой ценой, может быть, спасти самого себя... Ты первая была бы вправе презирать меня.

— Почему ты... один такой, Од?..

— Я не один... Вспомни обсуждение на Со-

вете. Они боялись голосовать... Нас таких много... Шу... ты, я и еще другие. Мы разобщены, плохо знаем друг друга, лишены правдивой информации, но мы существуем. И раз существуем, должны действовать... Итак?

— Летим, Од!

— Подожди. Лучше сделать немного иначе. Ты останешься тут. Как будто я силой оста-

вил тебя. Это снимет с тебя всякие подозрения...

— Од, неужели ты думаешь, что я... могла бы... Ты первый был бы вправе презирать меня... Чьи это слова, Од? И потом, без меня ты там ничего не сможешь сделать.

— Ия, назад пути не будет.

— Я уже сделала свой выбор, Од.

КОСМОДРОМ В ЧЕРНОЙ ПУСТЫНЕ

Ночь. Холодные вихри гонят песчаную пыль, пронзительно свистят и завывают среди черных изуродованных скал. Низко над горизонтом, словно тусклый красноватый фонарь, светит Большой спутник. Звезд почти не видно сквозь пыльную мглу.

Исполинский конус космического корабля нацелен ввысь. Шесть гигантских ног-амортизаторов поддерживают кольцо стартовой ракеты. Она должна поднять и вынести за пределы атмосферы коническое тело корабля — чудовищного снаряда, несущего в металлическом чреве смерть для целой планеты. Высоко над поверхностью Эны включатся двигатели космического корабля. Струи плазмы сожгут стартовую ракету и освобожденный снаряд устремится прочь от Солнца к окраинам планетной системы. Там, в пустоте космического пространства, оно опишет гигантскую петлю и, разогнавшись до субсветовой скорости, пойдет навстречу обреченной Мауне.

Но пока корабль неподвижен. Момент старта еще не наступил. Пусто вокруг. Лишь пыльные вихри кружат между ногами-стабилизаторами, да красноватыми точками горят во тьме круглые неподвижные глаза роботов, охраняющих космодром...

Вибролет совершил посадку в непроглядной тьме. Од и Ия молча выбрались наружу и торопливо пошли на север к космодрому. Полушарие вибролета сразу же растаяло во мраке.

Ия откинула шлем скафандра, и Од последовал ее примеру. Ледяной воздух обжег воспаленные лица. Дышать стало трудно. Вокруг лежала самая большая из пустынь Эны — загадочно притаившаяся, безмолвная, враждебная.

В зените чернь неба искрится россыпью звезд. Ближе к горизонту звезды словно пригасают. Их свет почти не доходит сквозь пыльную мглу, взметенную ураганами. Грань пустыни и неба неуловима во мраке. Лишь на востоке у самого горизонта тьма чуть багровеет. Скоро взойдет Большой спутник.

Справа и слева появилось что-то более черное, чем окружающий мрак.

— Скалы... Сейчас начнется спуск в котловину. Мы на месте, Од.

— Ты останешься здесь. Я спущусь один. Если я...

— Нет, Од. Один не найдешь... И потом, там роботы...

— Ия!

— Нет, Од, я с тобой.

— Ты понимаешь?..

— Конечно... Но один ты погибнешь наверняка, а так есть какой-то ничтожный шанс... Быть может, удастся осуществить то, что мы задумали...

— Идем! До старта еще более пяти часов...

— Да... Если только они...

— Что, Ия?

— Нет, так... ничего... Идем быстрее...

Лабиринт темных скал, потом пологий спуск, снова скалы...

Багровый глаз Большого спутника выглянул из-за горизонта. Невдалеке в центре плоской котловины Од увидел темную громаду космического корабля.

Приглядевшись, Од вздыхает с облегчением:

— Это «Красный вихрь». Он хранился на Большом спутнике. Я был не один раз на этом корабле. Хорошо знаю расположение внутренних помещений. Когда-то его строили для полета на Вею...

— Внутри многое переделано, Од.

— Главное должно сохраниться. Входы в стабилизаторах стартовой ракеты?

— Да... Но надо попытаться проникнуть через ближайший к нам стабилизатор. Он не попадает в поле зрения центрального экрана. Если на Посту управления кто-то уже есть...

— Я успею... Достаточно лишь отключить реле времени... Тогда вся контрольная система перегорит при нажатии стартовой кнопки. Исправления потребуют нескольких недель. Придется снова рассчитывать траекторию. За это время противники Великого Опыта успеют объединиться...

— Тише, Од!.. подожди минуту...

Ия направила на ракету объектив «ночного глаза». На зеленоватом экране прибора появились четкие контуры стабилизаторов корабля.

— Возле каждого стабилизатора — робот охраны, — шепнула девушка. — Кажется, это те, что были тут раньше... В ячейках их памяти должен запечатлеться мой образ. Сделаем так: я подойду прямо к роботу. Он попытается схватить меня, — это должно отвлечь его внимание. Ты в это время проникнешь внутрь стабилизатора и поднимешься в аппаратную корабля. Если робот, узнав, отпустит меня, я останусь ждать тебя и потом дам приказ роботу пропустить нас. Если он схватит меня и поднимет тревогу, постараюсь устроить возможно больший переполох. Внимание всех роботов переключится на меня... В этот момент тебе необходимо незаметно выбраться с корабля. Спешу прямо к вибролету и улетаю, не дожидаясь моего возвращения. Вот тебе «ночной глаз» и лучевой пистолет, на случай, если кто-нибудь из роботов будет преследовать...

— А ты, Ия?

— Если меня схватят и потащат на Пост управления, объясню, что заблудилась, возвращаясь на космодром.

— Может быть, лучше подождать момента ухода роботов?

— Останется слишком мало времени, Од. И может случиться, что роботов... вообще не уберут перед стартом...

— Да... Тогда...

— Идем, Од... Подползем возможно ближе и каждый попытается выполнить свою часть... нашего безумного плана...

В темноте они бесшумно двинулись вперед. Потом поползли. Од не отрывал взгляда от экрана «ночного глаза». Гигантский корпус корабля был уже совсем близко. Он закрывал половину неба.

— Робот забеспокоился, — чуть слышно шепнул Од. — Крутит головой. Вероятно, обнаружил нас.

— Иду... Будь внимателен, Од. Тебе придется пройти через камеры сгорания стартовой ракеты. Не задерживайся там... Ну, пусть все будет хорошо...

Ия опустила на лицо прозрачное забрало шлема, поднялась и быстро пошла навстречу роботу. Красные точки глаз стального стража вспыхнули ярче. Робот присел на кольчатых ногах, расставил лапы и двинулся в сторону Ии. Не дойдя до робота несколько шагов, Ия резко повернулась и побежала в темноту прочь от корабля. С неожиданной легкостью робот вприпрыжку последовал за ней.

Окончание следует

КАК ПОЮТ „ИНТЕРНАЦИОНАЛ“ В РОССИИ

Из книги «ДЕНЬ ПЕРВЫЙ»

Леонид Радищев

Пронзительный холод громадного, пустого, месяцами нетопленного Михайловского манежа не пугает тех, кто собрался здесь на митинг. Это народ закаленный, воистину прошедший «огонь и воду и медные трубы»: солдаты, матросы, рабочие в одежде и с оружием всех видов и образцов.

Чтобы согреться, они поют частушки, прыгают, борются друг с другом. Сизый махорочный дым плавает в воздухе сплошными слоистыми облаками. С треском вспыхивают смолистые факелы — тогдашнее освещение манежа, если не считать единственной лампы посредине неоглядной величины потолка. Свет от нее падает на броневику — признанную трибуну Октябрьской революции.

У входа возникает какой-то сначала неясный гул и, разрастаясь волнами, докатывается до самых отдаленных уголков манежа.

Ленин быстро проходит к броневику. По крайней мере, человек двадцать хотят ему помочь. Он легко опирается на чье-то подставленное плечо, легко всходит на бронированную площадку.

— Все же у меня есть некоторый опыт по части броневику, — шутит он.

Прищурясь, Владимир Ильич ждет, когда утихнет шквал, вызванный сотнями крепких

Рисунок Н. Кустова

битых машин и таскают бревна на суботниках: на них ответ великого времени, слитность своей личной судьбы с судьбой революции.

Далеко не все из этих людей умеют читать и писать, произнести без запинки недавно пришедшие к ним трудные слова «империализм», «милитаризм», — но они первые нанесли сокрушительный удар этому опившемуся кровью хищнику.

И вот, частица этой могучей, гневной силы, из которой вырастет Красная армия, один из первых ее отрядов, перед отправкой на фронт, слушает напутствия Ленина. В том, что он говорит — жесткая правда о сегодняшнем дне и бесконечная уверенность в победе. И заканчивает он свою речь словами, которые и сейчас звучат всюду, где народ поднимается против своих душителей.

— Победа или смерть!

Огромный митинг отвечает залпами мощных хлопков. Ленин сходит с броневику, становится немного в сторонке, рядом с сестрой и Платтенем.¹

Очередь за следующим оратором. Это солдат в старой, обтершейся шинели, с винтов-

¹ Фриц Платтен — швейцарский коммунист.

кой, с походным мешком за плечами. Видно, как он волнуется, как шевелятся желваки скул на небритых щеках.

— Товарищи! Я три года сидел в могиле, которая называется окопом. Хотел пробираться домой, да вот, оказывается, еще рановато! Винтовку свою я не бросил, вот она, винтовочка-то!.. Скажу вам как фронтовик, видевший своими глазами — крепко мы напугали у германцев и австрийков ихнее высокое начальство! Страшнее им, чем всякие снаряды, два слова: «Совет! Ленин!» — он с веселым торжеством огляделся на все стороны. — А сейчас, товарищи, обращаюсь к вам с просьбой: еще когда я сидел в окопах, то составил собственное стихотворение. Конечно, как умел! Прошу разрешить мне огласить его перед вами!..

— Посвящается товарищу Ульянову-Ленину! — произносит солдат.

Полная неожиданность для Владимира Ильича. Он даже чуть отходит назад, точно хочет укрыться за своими соседями.

Громким, окрепшим голосом солдат начинает:

Привет тебе, наш вождь народный,
Защитник права и идей,
Кристалльно-чистый, благородный,
Гроза богатых и царей!
Семья трудящихся, голодных
В твоих рядах, в борьбе — твой щит!
Их легион — сынов народных
На страже — верит, победит!¹

Солдатскому поэту выражают бурное одобрение. Очень к месту пришлись его стихи. И Владимир Ильич, который так не любит, когда о нем говорят или пишут что-то хвалебное, аплодирует вместе со всеми: он понимает, какими чувствами продиктованы безыскусные строчки солдата.

— Слово предоставляется социалисту из Америки товарищу Вильямсу! — говорит председатель митинга Подвойский.

На броневику взбирается высокий молодой человек в русском овчинном тулупе, в шапке-ушанке. Митинг шумно приветствует американского товарища.

— Прекрасно, прекрасно! — оживленно говорит Владимир Ильич Вильямсу. — Выступайте, а я буду вас переводить!

Но Вильямс храбро отвечает, что выступать будет по-русски. В глазах у Владимира Иль-

ича зажигаются веселые искорки: «Ну что ж, посмотрим, что из этого получится!»

«Что бы ни делал иностранец с их языком, русские остаются благожелательными и снисходительными, — с сердечным юмором и теплотой вспоминал потом Альберт Рис Вильямс об этом выступлении, — они умеют ценить если не умение, то, во всяком случае, старание начинающего! Поэтому моя речь прерывалась продолжительными аплодисментами, которые каждый раз позволяли мне перевести дух и найти несколько слов для следующего короткого броска...»

Но все-таки их не хватало, этих трудных русских слов. Остановки, перебои в речи оратора делаются все чаще и, когда он хочет высказать самую главную свою мысль, наступает мучительная пауза...

И тут сразу же приходит «скорая помощь».

— Какого слова вам не хватает? — быстро спрашивает по-английски Владимир Ильич.

— Enlist!

— Вступить!

— О, вступить! — бодро подхватывает оратор. — Я имею вступить... армия... Советов!

Дружные аплодисменты. Разгоряченный Вильямс сходит с трибуны. Оказывается, одно из самых лучших средств для согревания — это произносить речи на языке, который плохо знаешь.

— Во всяком случае, начало положено! — весело говорит Владимир Ильич. — Читайте, пишите, разговаривайте только по-русски! С американцами лучше не разговаривайте, все равно пользы не будет, — улыбается он. — Когда мы встретимся в следующий раз, я вас проэкзаменирую...

Семнадцатый год знал три гимна: его встречали с «Боже, царя храни», провожали «Марсельезой», а к своему окончанию он пришел с «Интернационалом».

Когда на Марсовом поле хоронили павших в дни февральской революции, только оркестр кронштадтских моряков умел его исполнять. А теперь «Интернационал» грозно звучит всюду. Октябрь взял гимн парижских коммунаров на боевое вооружение.

— Обратите внимание, в Европе иначе поют! — говорит Платтену Владимир Ильич, выходя из манежа. — Там поют «Это будет последний и решительный бой», а у нас народ внес поправку: «Это есть наш последний и решительный бой». Да, для нас решительный бой уже есть, уже наступил, но последний ли он?!

¹ Подлинное стихотворение солдата И. Ганцева, напечатанное в «Окопной Правде» летом 1917 г

...Болит голова да все сильнее и сильнее! Что делать? Конечно же, идти в поликлинику.

Вот ты и в поликлинике. В регистратуре напоминают:

— Ваш лечащий врач — электронно-счетная машина 150/278. Двенадцатый кабинет.

В кабинете врача сядешь в кресло, перед которым установлен микрофон. Слышишь легкий щелчок, потом видишь миганье зеленой лампочки. Машина-врач приступила к работе и спрашивает тебя человеческим голосом:

— Расскажите подробнее, что и где болит. Выберите на перфокарте результаты измерения температуры и анализа крови, заложите перфокарту в мое приемное устройство. Кстати, я не ошибаюсь, месяц назад у вас был грипп?..

Наконец, расспросы окончены, и машина выкладывает на стол рецепт, а с ним пакетик готовых лекарств:

— По одной таблетке в день. Сейчас же идите домой и ложитесь в постель. Завтра я пришлю врача-человека.

Фантазия? Пока что — да. Но так ли уж она далека от действительности?

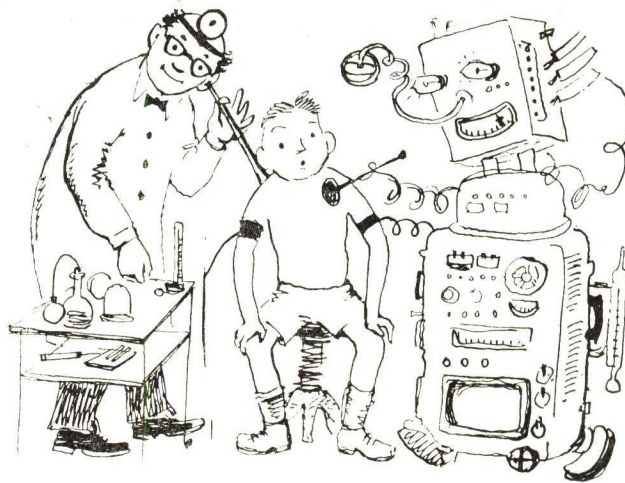
В одной ленинградской больнице врачи обследовали одного и того же больного.

— Этот больной может заразить соседей по палате. Его надо изолировать, произносу мудреный медицинский термин, утверждал один.

Другой, используя несложную математическую формулу, подсчитал что-то на листке бумаги и возразил:

— Ничего подобного. Болезнь не заразная.

Через некоторое время выясни-

лось, что больной не представляет никакой опасности для окружающих.

— Что это у вас за формула? — спрашивали врача, увлекавшегося подсчетами.

— Ее вывели математики, — отвечал он. — Пользоваться формулой несложно. Нужно только перевести жалобы больного на математический язык. Как это сделать? Смотрите. Аппетит у больного плохой? Плохой. В формуле аппетит обозначен буквой X_2 . Ставим при плохом аппетите вместо X_2 единицу. Болей в суставах нет? Значит, на место X_5 следует поставить 0. Температуру так и запишем, как показывает градусник, — 36,8...

Почему же врачам понадобилась помощь математиков?

А вот почему. Вы слышали о желтухе? А знаете ли Вы, что это несколько разных болезней. Здесь рассказано о двух — эпидемическом гепатите и механической желтухе. Уловить разницу между ними трудно. Вот, скажем, у больного плохой аппетит. При механической желтухе это наблюдается чуть реже, чем при эпидемическом гепатите. Боли в животе? Возможны в обоих случаях. Высокая температура? Чаше она бывает

при механической желтухе, но не много чаще...

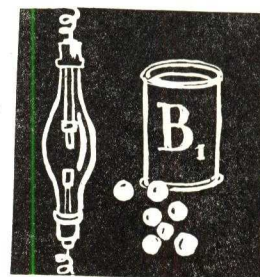
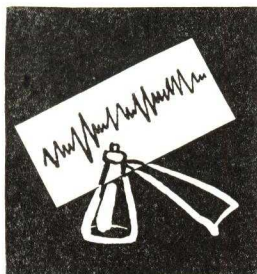
Как тут не запутаться во всех этих «чаще» и «чуть-чуть реже». К тому же здесь перечислены всего три признака, или, как говорят врачи, симптома болезни. В действительности их намного больше. И в памяти удерживать их нелегко, а сопоставить, связать воедино, сделать четкий определенный вывод еще труднее.

Электронно-счетной машине до человеческого мозга далеко. Однако в этом конкретном случае машина может превзойти человека. Она ничего не забывает и не запутается, если даже речь пойдет о ста или тысяче симптомов. По выражению математиков, машина оперирует с любым числом «взаимосвязанных признаков».

Но почему же мы говорим о машине, если все подсчеты врач производил на бумаге сам? Дело в том, что машина помогла математикам вывести формулу: она произвела все, какие можно, предварительные вычисления...

Здесь описан только один из многих опытов. Уже несколько лет в Москве, Ленинграде и Киеве электронно-счетные машины усердно «изучают» медицинские науки. Достигнуты первые практические результаты, и, кто знает, может, внуки и правнучки нынешних думающих машин прочно обоснуются в медпунктах и поликлиниках.

Вот что рассказали нашему корреспонденту В. Михайлову на кафедре инфекционных болезней института усовершенствования врачей.

1. КОСТЕР

Отчего у нас, ребята,
 На обложке два солдата,
 Два приятеля-бойца?
 Это вы тотчас поймете,
 Если наш рассказ прочтете
 От начала до конца.
 Третья рота на привале
 Спорит с ротой второй:
 — Объявление читали?
 Едет Теркин к нам! Живой!
 А в ответ вторая рота:
 — Сомневаемся мы что-то.
 И заметил первый взвод:
 — Может, едет, да не тот?
 И промолвил строголицый
 Старшина: «Клянусь, друзья,
 Под фашистскою столицей
 С Теркиным встречался я.
 Не жалели мы усилий,
 Не сгибались под огнем.
 Эх, придет друг Василий,
 С ним былое вспомянем:
 Как в атаку шли на ДОТ...»
 Вдруг раздалось: «Кто идет?!»
 Ближе, ближе, ближе, ближе —
 Кто лыжнею режет снег?
 Чьи там палки? Чьи там лыжи?
 Это что за человек?
 Сосны дрогнули от крика.
 — Он!
 — Ура!
 — Похож?
 — Похож.
 — Теркин! Теркин!

Подлинная история забавных и поучительных приключений КОСТИ ТЕРКИНА, записанная со слов героя его друзьями

— Посмотри-ка!
 — Это — Теркин?! Ну, брат,
 врешь!

Тут последний поворот
 У последней горки, —
 И пехоте лыжник тот
 Рапортует:

— Теркин!

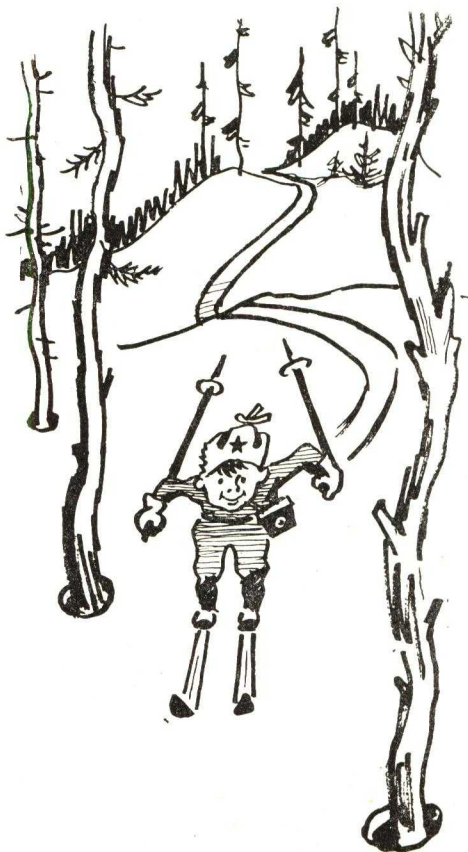
— Ну и чешет, врун пропащий!
 Как по нотам все равно!

— Я же Теркин.

— Настоящий?

— Настоящий!

— Ну, кино!

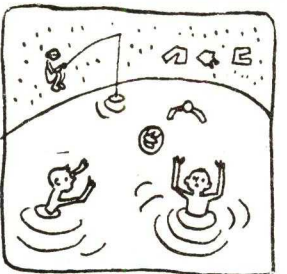
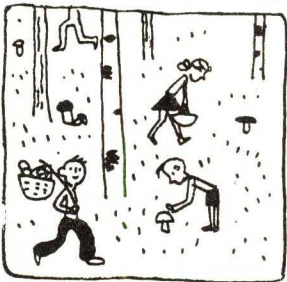
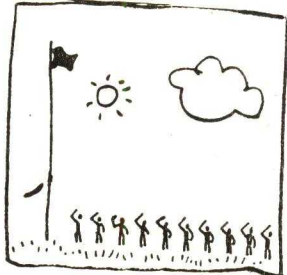
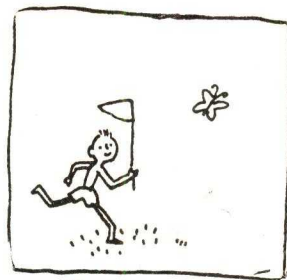
У кого-то голос тонок:
 — Укрепленный ведь район!
 Не смотрите, что ребенок, —
 Тоже, может быть, шпион!
 — Ну-ка, правду рапортуй!
 — Чей ты есть? Каковский?
 Превеликий сабантуй,
 Как писал Твардовский...
 Старослужащий солдат
 Из соседней части
 Говорит: «Не все подряд!
 Меньше, хлопцы, страсти!
 Теркин здесь, и что гадать —
 Дело ведь за малым:
 Генералу весть подать
 Дымовым сигналом».
 Разъяснил он все вполне
 Этой речью краткой
 И седому старшине
 Подмигнул украдкой.
 Старшина, усмешку пряча,
 Молвит: «Все бы ничего,
 Только, знаешь, беда:
 Спичек нет ни у кого».
 — Эх, и я ведь некурящий, —
 Говорит в ответ солдат. —
 — Ну-ка, Теркин «настоящий»,
 Ждем решенья! Действуй,
 брат!

Не забудет Костя Теркин
 Встречу ту и разговор,
 На заснеженном пригорке
 Приготовленный костер,
 Как лежали те поленья,
 И не таял снег на них,
 Как молчали отделения, —
 Старшина и тот притих.
 Ясно всем — перемудрили
 Неизвестно для чего.
 Будь бы тут и сам Василий,
 Он бы тоже бы... того...
 И солдат, жалея гостя,
 Шутке собственной не рад...
 А меж тем он видит: Костя
 Вынул фотоаппарат.
 Расстегнул футляр скрипучий
 И, в секунду отвинтив,
 Длиннофокусный могучий
 Взял он в руки объектив.
 Ту оптическую пушку
 Он на солнышко навел
 И лучом, что взят в ловушку,
 Хворостинку уколол.
 Огонечек — невеличка
 Закурчавился дымком...
 Ни к чему, товарищ, спичка,
 Если с оптикой знаком!
 Миг, другой —
 И вот костер
 Язычища распростер!
 Ай да парень! Ай да спец!
 Испытанию конец!
 — Теркин! Два шага из строя!
 И шагнули...
 Сразу двое:
 Костя и его собрат,
 Старослужащий солдат.
 И, смеясь, достал Василий
 Спички, вытащил кисет...
 — Как же так, вы говорили,
 Будто в роте спичек нет?
 Говорит Василий Косте:
 — Мы шутили не со злости.
 Ты снабдил нас огоньком —
 Значит, парень с огоньком.
 Ты сумел разжечь костер,
 Твой портрет пошлем в
 «Костер».
 — Лично я, — сказал Василий,
 Старослужащий солдат. —
 Совпадению фамилий
 Очень рад. И встрече рад...
 Так попали к нам, ребята,
 На обложку два солдата,
 Два приятеля-бойца,
 Вроде сына и отца.

Продолжение в № 3

*Ваш дедушка
Ракитский*

Вывод такой: переписать, как у второго отряда. Но почему? Если в лагере

[illegible]

ПИОНЕРСКОЙ ТРЕВОГИ

мы собрались на месяц, то в стенгазете должны быть только описания цветов и жучков? Я не стала переписывать. Но по настоянию воспитательницы эту заметку написал другой пионер.

Можно было бы рассказать много доброго об интересном пионерском лете, о моем отряде, но меня очень задел этот случай...»

ОТ РЕДАКЦИИ

Да, Лариса попала в трудное положение. С одной стороны, в ее заметке все — правда. С другой стороны, перед нею воспитатель, взрослый человек... Попробуй послушайся!

А пионерский отряд? Помог он Ларисе? Какую позицию занял? Ни за, ни против? Ведь нашелся даже пионер, который переписал Ларисину заметку, а в отряде тишь да гладь. Вроде бы так и нужно. Вроде ничего и не произошло... Из-за чего шум-то подымать, товарищи?

Давайте поразмыслим вместе над этим случаем. Стоит ли, как говорится, подымать шум.

Попробуйте представить себе, что все это произошло у вас в отряде. Произошло с вами. **КАК БЫ ПОСТУПИЛ ВАШ ОТРЯД?**

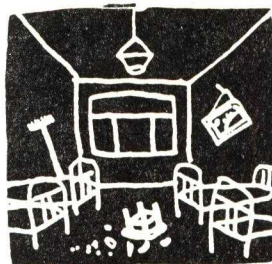
Быть может, история не стоит выеденного яйца? Подумаешь, мальчишки баловались в тихий час. Подумаешь, мусор в палате...

Быть может, и в самом деле по праздникам надо писать в газету только о хорошем, чтоб никому не портить настроения, а все остальное приберечь на будние дни?

Быть может, и в самом деле в лагере надо отдыхать, а не заниматься критикой? И тот пионер правильно сделал, что послушался воспитательницу и переписал заметку?..

Быть может, и в самом деле, главное, как отряд выглядит в сравнении с другими? Быть может, и смысл соревнования в этом: выглядеть лучше? Или у вас в дружине не так? Или у вас в отряде иначе?

Ждем от вас писем. Пригласите своих пап и мам тоже принять участие в этом разговоре, который состоится на одном из ближайших заседаний клуба юнкоров.

А КАК БЫ
ПОСТУПИЛ
ВАШ ОТРЯД

[illegible]

ПИОНЕРСКИХ ГОРНОВ

Этот случай произошел со мной осенью. Я шла по городу. Уже второй день лил непрерывный дождь. Плащ мой вымок, туфли были облеплены грязью и настроение совсем плохое. Вдруг я увидела девочку. Обыкновенную незнакомую девочку. Она перепрыгнула через лужу, поймала языком капельку дождя и улыбнулась. Потом она побежала, прыгая через лужи и размахивая руками. И тут я забыла про надоевший дождь. Я хотела бы знать, отчего ей так

весело. Мне захотелось тоже прыгать через лужи и ловить дождевые капли. Мне стало веселее. Вот и весь случай.

Тамара Панченко, Челябинск

Около нашего дома бетонировали улицу. Рабочие попросили нас помочь, потому что бетону все больше привозили машины, а рабочих было мало. Мы взяли лопаты и стали помогать. На первый взгляд это кажется простым, а нам нет. Когда я прохожу теперь по нашей улице, мне становится светло на душе. Пусть будет красивым наш Мирный!

Продолжение вальса

Сергея Карташев, Якутия

НАШ СТОЛ ЗАГАДОК

ОЙ ВЫ, КОНИ, МОГУЧИЕ КОНИ!

А чем они знамениты и как их зовут?

Кто вспомнит, тот молодец. Кто не вспомнит, — пусть прочтет объяснение.

Объяснение зашифровано. Ключ:

б	т	ц	ш
в	д	ч	щ

1. РЕДАТ. Бокщевый лпыкастый лось. Сос, лону угаестя едо отекась, тсамобиста тоцимисекен рпелпатмыф тсифоб. Них о Редате ткозики глбемие дпели.

2. СПОЯМТЛИЙ лось. Гепебямное цугише. Т едо роношью вык жафбацем и пажлушем допог Споя. Лалин овпажон? Рпоцсисе «Икиагу» Донепа!

3. ВУЛЕХАК, лось Акелтамгпа Налегомтлодо.

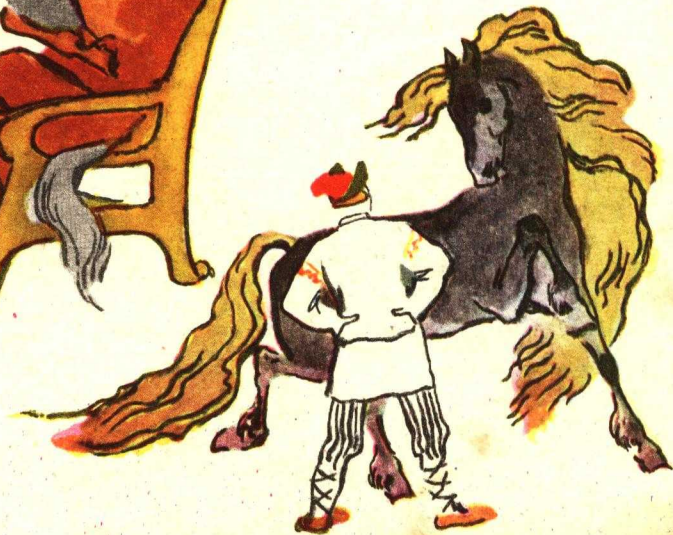
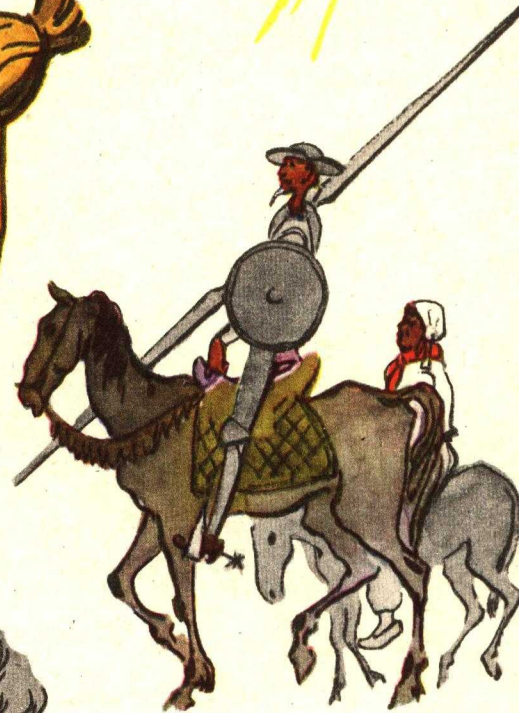
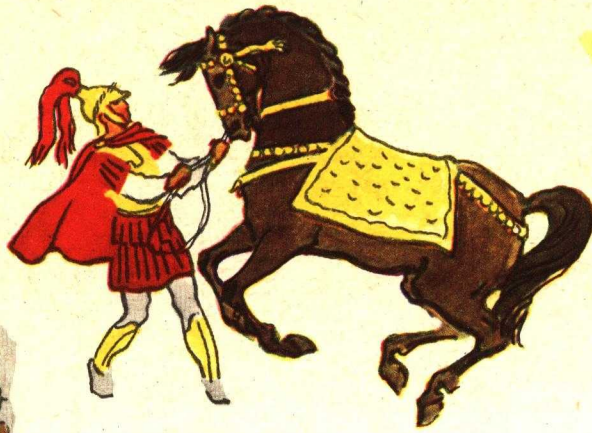
4. ИМЛИСАС. Пинтлий инрепасон Лакидука (37—41 д. м. э.) оскицактя меовыцаймын тунатвпогтсбон. «Рутсь немя мемабигяс, кишь вы воякить», — добапибак ом — и ме утсабак ижовпесась мобые тротовы умизась допгую жмась. Огмазгы Лакидука мажмацик тбоедо кювинодо лomia Имлисаса... темасопон, а бтлопегтекак едо и ломтукон.

5. «ТИБЛА-ВУПЛА, бтсамь репегномой, лал китс репег спабой!»

6. ПОТИМАМС. Цисаки «Гом-Лифоса»?

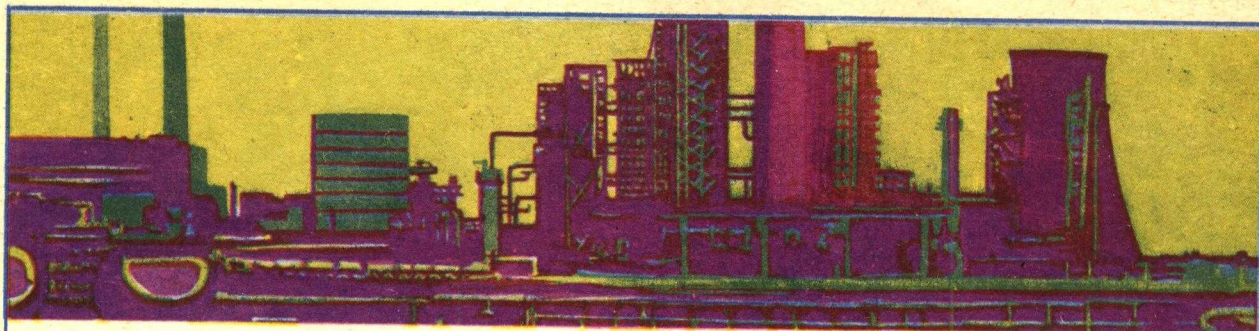
7. ДУИДМДМН. т дуидмдмнани бтспесиктя бо бпеня тбоиф тспаптсбий Кенюэкь Дуккибеп. Ма отспобе пажунмыф ломей Дуккибепу ромпабикоть допажго вошьце, цен гона, б Амдкии... Ов эсон паттлажыбаес абсоп «Дуккибепа» ритасекь Тбихс.

Загадочный табун сформировал Б. Борейко

ЧТО?

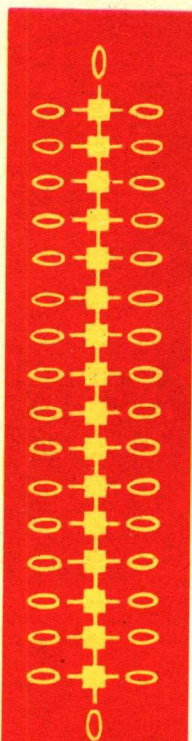
ГДЕ?

НА СТРОИТЕЛЬСТВЕ ХИМИЧЕСКОГО КОМБИНАТА

**стенолаз —
житель онал**

**Чертеж
молекулы
парафина**

... Пасутся стада морских животных на богатых океанских пастбищах. „Ковбой“ с аквалангами объезжают свое подводное хозяйство. По дну ползают тракторы с плугами и даже комбайны.

Дно океана — толстый слой удобрений, образовавшихся за века из остатков растений и животных. Эти залежавшиеся вещества надо взрыхлить, поднять воду. Тогда быстро начнет размножаться планктон, откармливаться рыба. Время от времени дно придется пропалывать, освобождать от сорняков и вредителей. Главным образом, от морских звезд, которые пожирают больше пищи, чем съедобные рыбы.

Одиннадцать метров в секунду... Такова скорость, с которой передвигаются в воде киты. При такой скорости путешествие вокруг света заняло бы не более двадцати суток.

Какую воду пьют морские птицы?

Морские и океанские птицы по несколько месяцев находятся в открытом море далеко от берега. Какую воду они пьют там?

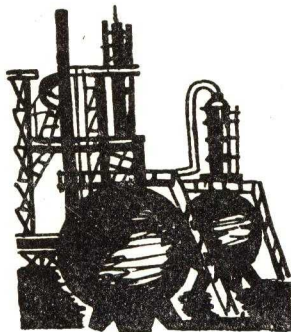
Установлено, что морские птицы пьют морскую воду. В их организме с помощью носовых желез удаляются из этой воды лишние соли.

КОГДА?

ПОЧЕМУ?

На строительстве химического комбината

Рисунок на соседней странице мог бы быть сделан художником и на берегу Волги. Здесь, вблизи гидростанции имени XXII съезда КПСС, идет строительство комбината Большой Химии—Волжского. Еще недавно город Волжский называли городом энергетиков, теперь он становится городом химиков. Уже начал действовать новый шинный завод — частица комбината. Введено в действие производство биологического ускорителя роста птицы — метионина. Этот продукт ждут на птицефермах всей страны. Сооружаются и другие, не менее важные объекты огромного царства химии.

Где нужен парафин?

Чтобы сделать карандаши и спички, древесину пропитывают парафином. Чтобы предохранить сыр от высыхания и порчи. (Головку сыра окунают в смесь с парафином на несколько секунд). Есть парафиновые свечи. Содержится парафин в мастике, гуталине и некоторых мазах.

Получают парафин — а в чистом виде это бесцветная масса — из нефти, древесного дегтя, смол.

На соседней странице изображен чертеж молекулярного строения парафина. Квадратики в цепочке — атомы углерода. Если они располагаются иначе, если цепочка короче, то и вещество будет иным — то ли газом этаном, то ли жидкостью — гексаном.

Краснокрылый стенолаз

В суровых скалах обитают птицы покрупнее воробья — стенолазы. Среди мрачных ущелий они могут показаться красными огоньками, мигающими красными лампочками. У них серое оперение и красная полоска на крыльях.

Эти птички передвигаются по отвесным скалам, как заводные игрушки. При каждом скачке крылья полураспрямляются и складываются. Движение происходит скачками. У стенолазов сильные ноги, длинные пальцы ног вооружены когтями. Из трещин в скале стенолазы выклеивают мелких насекомых — щетинохвосток. Причем, это довольно приткая добыча: особые щетинки на теле насекомых помогают им подпрыгивать.

В более низких этажах гор стенолазы находят и другой корм — улиток и пауков.

Рыбки-синоптики

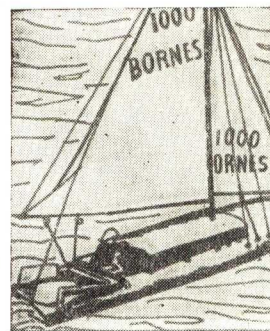
Почти в каждом доме в Японии существует рыбе «бюро прогнозов». Размещается оно в аквариуме, обитатели которого безошибочно реагируют на капризы «небесной канцелярии». Чувствуя приближение урагана, рыбки поднимают в аквариуме бурный «шторм».

Через Атлантику под парусом

Вот на какой шлюпке пересекал Атлантический океан французский мореплаватель Рене Лескомб. Суденышко было специально оборудовано, и все-таки плыть на нем значило идти на верную гибель.

В газетах в свое время было два сообщения об этом факте.

Первое о встрече советского турбоэлектрохода «Балтика» с этим парусником. Советские моряки предлагали владельцу шлюпки помощь, но он отказался и продолжал плыть по курсу. И второе сообщение — о трагической гибели отважного моряка летом позапрошлого года.

Гараж-гостиница

Нелегко бывает автомобилистам в современном городе. Нужно поставить машину к тротуару, но нет места, даже на минутку негде приткнуться.

Ленинградские архитекторы спроектировали гараж-гостиницу. Проект будет осуществлен в Московском районе Ленинграда.

... Гости, прибывающие в город, смогут снять на время отпуска номер для своей машины. Дежурный откроет ворота здания, не выходя из своего помещения. Авто-

мобиль въедет в первый этаж и «примет» душ, машину осмотрят и произведут необходимый мелкий ремонт.

Для движения и размещения автомобилей архитекторы нашли оригинальное решение. Все этажи гараж-гостиницы расположены не горизонтально, а наклонены под некоторым углом. Каждый этаж разделен пополам, и обе половины поставлены во встречно-наклонном положении. Автомобиль движется по одной половине этажа, поворачивает на горизонтальную площадку и поднимается дальше, по другой половине, пока не доберется до своего этажа.

Р Ы Б Ы

СКАЗКА-ШУТКА

В. Попов

Рисунок В. Галыбы

Пожилой плотник Усов в обеденный перерыв решил искупаться: он подошел к морю, снял пиджак и брюки, надел резиновую маску. Отплыв от берега метров сто, Усов нырнул. Он донырнул до дна и увидел рыбу с огромным носом. Нос был длинный и плоский, а на конце его была ручка.

— А-а-а, — подумал Усов, — это же рыба-пила.

Он хотел подниматься вверх, но тут увидел рыбу-молоток. Рыба-молоток гналась за маленькой рыбкой. Вот она догнала ее и одним ударом вбила в корягу. И Усов сразу же понял, что это — рыба-гвоздь.

— Ишь ты, — подумал Усов, — тут их целый столярный набор.

Рыба-молоток подплыла к рыба-пиле. Они посмотрели друг на друга и зевнули.

— Вот, — подумал Усов, — зевают. А у меня там работы неуворот. Лодку некому делать.

Тут из-за бурого камня выплыли еще две рыбы. Одна была рыба-рубанок, другая — рыба-сантиметр. В Усове кончился воздух, и он стал быстро грести наверх...

А ночью, часа в два, Усов вытащил из са-

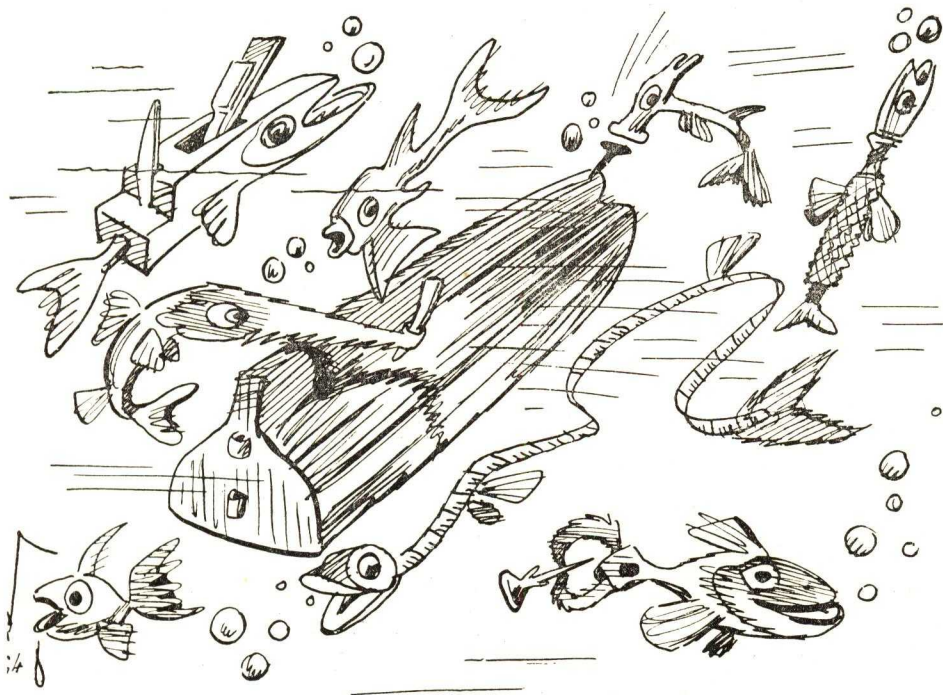
рая бревно. Он бросил бревно в воду, привязав к нему камень, а сбоку приколов чертеж лодки. Бревно потонуло. И весь следующий день всплывали опилки и стружки. Вечером Усов полез в воду и вытащил новую лодку. Перевернув ее вверх дном, он вылил из нее воду. Потом Усов забыл про рыб. А рыбам понравилось работать. Они огляделись и увидели, что всюду на дне стоят дырявые деревянные корабли. И вот опять стали всплывать стружки, а потом ложки, табуретки. Ребята ловили их сетями и радостно несли к себе домой...

Однажды Усов мылся в бане. Баня брала воду прямо из моря, по широкой железной трубе. И вдруг Усов услышал, что по трубе кто-то стучит. Это стучала рыба-молоток. Усов посмотрел в трубу и увидел, что у другого ее конца собрались все его знакомые рыбы. Рыба-молоток, рыба-пила, рыба-рубанок и рыба-сантиметр. И еще Усов увидел, что вокруг, на всем дне, не осталось ничего деревянного.

— Сейчас получите работу! — закричал Усов в трубу. — Сделайте триста рам для парников.

И тут же распорядился утопить в воде пят-

надцать бревен. С тех пор работа в воде не замирала. А через месяц Усов надел скафандр и полез в воду меняться опытом. Он провел у рыб сорок минут, и было слышно, как он хохотал. Потом он закричал, чтобы ему кинули стеклянную банку. Скоро он вышел на берег, неся эту банку в руках. В банке была вода, а в воде плавала рыба-молоток. Усов отнес ее на площадку, где плотники строили двухэтажный дом. Рыба-молоток сидела в банке тихо. И внимательно следила за работой. Чтобы после, вернувшись из командировки, обо всем рассказать друзьям-рыбам.

МОЖНО ПРОДОЛЖАТЬ ПОЛЕТ!

„ПОКИДАЙТЕ САМОЛЕТ!“

Самолет, дымя моторами, легко и плавно поднялся с аэродрома и, убрав шасси, скрылся в голубом небе.

Испытательный полет идет нормально. Экипаж и два заводских инженера чувствуют себя хорошо. Особенно доволен приборист Степан Степанович. Его автопилот работает отлично.

Степан Степанович уверен, что нет ничего важнее автопилота: включи его, и самолет сам летит по курсу, ты только иногда проверяешь. Недаром называют моторы сердцем машины, а автопилот — нервами.

Полет подходит к концу. Вот знакомые очертания аэродрома. Самолет заходит на круг перед посадкой. Сейчас летчик выпустит шасси, рассчитает посадку, и многотонная машина приземлится в заданном месте.

Но — что это? На пульте не горит зеленая лампочка правого основного шасси.

Гудит сирена. Внимание, пилот! Садиться нельзя! Самолет неисправен. Правое основное шасси не выпу-

скается. Самолет идет на второй, потом на третий, четвертый круг, а зеленая лампочка не горит и не горит.

Шасси не выпускается. Самолету садиться нельзя. Моментально становятся серьезными лица. Положение угрожающее. Сажать тяжелый самолет на «две точки» вместо «трех» — дело новое и очень трудное.

Наш командир корабля умелый летчик. Он знает самолеты разных типов, даже в аварию попадал, но всегда удачно: и сам и его товарищи снова возвращались в строй...

Но сейчас ни подробные указания с земли, ни старания экипажа не помогают «оживить» машину — выпустить злополучное шасси.

Время идет, самолет летает, горячее на исходе, нужно что-то предпринимать. Но что именно? Что?

Каждый невольно думает: «Неужели придется бросать машину? Машину, которую так долго испытывали? Как мы будем смотреть потом

в глаза тем, кто создал ее и понадеялся на нас? Они, может, и не скажут ничего. Но разве обязательно нужно, чтоб говорили?»

«Выводите машину в степь! Покидайте самолет!» — командуют с земли. Меняем курс. Перестаем видеть аэродром, под крылом самолета выжженная степь.

«Значит, все-таки придется бросать машину!» На душе тяжело. Все молча выполняют свои обязанности в эти минуты. Даже заводские инженеры стараются не думать о предстоящем прыжке, а ведь они не тренировались специально в прыжках с парашютом. «Приготовиться к покиданию самолета!» — приказывает командир. Открывается люк. Пропускаем вперед заводских товарищей. Степан Степанович, пробираясь к люку, «распустил» свой парашют, зацепившись вытяжным кольцом за сидение радиста. Рывок и — стропы парашюта вместе с куполом на полу. Прыгать нельзя. Но и собрать парашют в

кабине тоже нельзя. Для правильной укладки нужно слишком много места.

Какое решение теперь примет командир?

«Приказываю прыгать», — сказал командир. И через несколько секунд добавил: «Я же лично останусь и попытаюсь посадить машину. Кто хочет, может остаться!»

Мы и не ожидали от него другого решения. Он выполнял приказ, полученный с земли, но так, как подсказывала ему совесть.

И вдруг все заговорили разом: «Остаться — так

всем! Желающих прыгать нет!»

Входной люк закрылся. И сразу стало легче. По крайней мере, теперь ясно, что делать.

Назад на аэродром. Сажает самолет. «Обеспечьте посадку! Машину будем сажать!» — передаем по радио на землю.

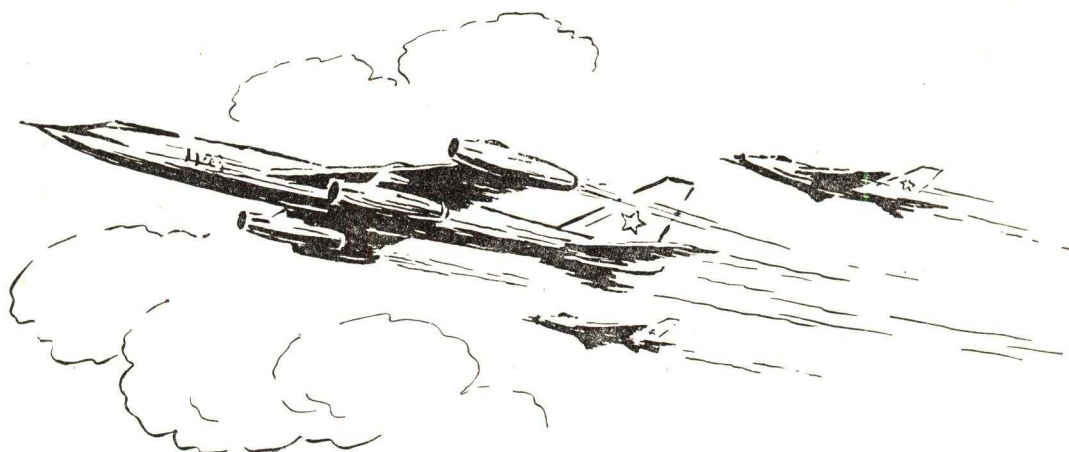
На земле поволновались за нас немало. На всякий случай были приготовлены пожарные и санитарные машины...

Сели мы благополучно. Командир долго выдержи-

вал машину над самой землей, гася как можно больше скорость. Когда скорость понизилась, машина мягко коснулась земли и только потом, пробежав почти весь аэродром, рухнула на правое крыло. Оказались повреждены и два правых мотора. Экипаж был невредим и счастлив — самолет сохранили, и все обошлось.

К нам бежали друзья. Горячо обнимали, расспрашивали.

Так завершился этот не совсем обычный полет.

ЛЕСТНИЦА

Насколько мне помнится, в детстве особой храбростью я не отличался. Не лазал по водосточным трубам на крыши многоэтажных домов, не гонялся по этим крышам за кошками, не прыгал в воду с десятиметровой вышки «ласточкой». Откровенно говоря, даже побаивался высоты.

И вниманием я не отличался, многое мог пропустить мимо ушей к явному неудовольствию и огорчению старших.

И хотя с возрастом я привык смотреть на землю с большей высоты и при этом гораздо спокойнее, но старые привычки иногда давали себя знать.

Так было и однажды, еще в начале моей летной службы. Поднявшись в самолет последним, мой товарищ должен был сложить веревочную лестницу, плотно ее связать и лишь потом закрыть входной люк. Перед началом полета я забыл проверить, как завязана

лестница. И вот что из этого вышло.

Во время взлета веревочная лестница развязалась, ее нижний конец выпал наружу, зацепившись за створку переднего шасси и антенну, выступающую над ней из борта самолета.

Когда самолет набирает достаточную высоту, передние створки, подобно ставням на окнах, закрывают нишу в нижней части корпуса самолета. В нише — входной люк и стойка пе-

реднего шасси с колесами, которая прячется в ней во время полета, или, как говорят в авиации, «убирается».

Переднее шасси нашего самолета полностью не убиралось из-за правой створки. Лететь же на большой скорости с выпущенным шасси — опасно. И возвращаться назад было нельзя, самолет летел на большие боевые учения. Опоздание или неявка подвели бы других.

У нас был большой запас горючего. Садиться с этим горючим нельзя: можно сломать шасси при посадке. Чтобы сесть, нужно «облегчить» самолет, слить в воздух топливо. Мне было стыдно за ошибку: из-за меня экипажу придется выбрасывать на ветер много тысяч литров топлива.

Кстати сказать, такого количества горючего могло бы хватить нескольким колхозным тракторам на целый год. Тогда я, конечно, таких расчетов не производил. Только думал: на учения опоздаем! Позор! Позор!

Решение родилось само собой: влезу в нишу по веревочной лестнице и все исправлю!..

Самолет успел набрать большую высоту и скорость. До земли несколько тысяч метров. Это заставляло действовать быстро.

Я доложил командиру, что переднее шасси не убирается и что мне нужно лезть в нишу. Командир все понял.

Самолет резко сбавил скорость, перестал набирать высоту. Открыли люк. В от-

верстие стала видна веревочная лестница, застрявшая между корпусом и створкой.

Быстро убрав парашют — сейчас он только помеха — и обвязавшись веревкой, другой конец которой держали товарищи, я шагнул к люку.

Внизу все сливалось перед глазами в однотонную

серую пелену, огромной высоты совсем не ощущалось. И страха не было. Страх пришел потом, когда все было кончено.

В тот момент я видел только лестницу.

Ухватившись за край люка, шагнул по зыбким ступеням вниз. Шаг, еще шаг и еще. Товарищи придерживали меня за веревку. С каждым шагом лестница все сильнее раскачивалась. Казалось, спускался я по лестнице долго. Но вот можно дотянуться рукой до створки. Потом — до антенны, за которую зацепилась лестница. Пытаюсь вытащить веревочные ступеньки лестницы из-под створки. Безуспешно. Лестница не поддается, распутать не могу. Что делать? Не возвращаться же в кабину? Все тело и особенно руки коленеют от холода. На высоте всегда холодно. Даже «с ветерком»! Мысль работает четко: «Спустишь еще ниже и распутаю лестницу обеими руками, что-

бы отсоединить ее от антенны и вытащить из-за створки!» Опускаюсь. Продаваю под мышку петлю лестницы и уже двумя руками распутываю злополучный узел. ...Ура!.. Победа! Конец лестницы в моих руках. Можно подняться в кабину. Можно продолжать полет!..

Рисунки Л. Коростышевского

Ш И Р О К А Я

Театр на

Однажды проходил я утром по набережной Невы, любуясь красотой и снежным простором. Слепил глаза переливающийся на солнце изломанный невиский лед,

крепкий, морозный воздух был недвижим.

Возле знакомой решетки Летнего сада меня остановила непривычная суэта и толкотня. Там

важно разгуливали пузатые бородачи в поддевках и длиннополых шубах; резко свистели по снегу извозничьи санки; в пестрой толпе мелькали золотые офицер-

МАСЛЕНИЦА

площади

ские эполеты, чиновничьи шинели, жандармские усы, собольи шубки...

Ну, конечно, это была кино-съемка! Подивясь, я отправился

дальше. А в памяти возникло что-то похожее, виденное мной еще в раннем детстве, да и звон бубенчика под дугой напомнил о многом.

И то, что вспомнилось, называ-

лось масленицей. Вот мне и захотелось нарисовать это старинное зимнее гулянье и рассказать о нем.

Широкая масленица была когда-

то, пожалуй, самым любимым народным праздником. О петербургских гуляньях еще в XVIII веке писал Г. Р. Державин: «Какой восторг! Как все играет, все скачет, пляшет и поет...» Петербург особенно славился в масленую неделю высоченными ледяными горами, разнообразием балаганов на Марсовом поле и Семеновском плацу, да еще катаньем ребят на вейках. Так назывались запряженные парой, а то и одной резвой лошадкой финские сани-розвальни. Вся сбруя, оглобли, дуга были украшены бумажными розанами, увешаны бубенцами, перевиты шелковыми малиновыми лентами. Ну и весело же было мчаться с заливающим звуком и визгом, под ухарские крики возницы по застывшей, накатанной глади Невы!..

Однако самым главным удовольствием и для малых и для больших оставались балаганы с их дивными чудесами: взрывами разноцветных ракет, моментальными переодеваниями, невиданными силачами. Здесь можно было посмотреть «Битву казаков с прусскими драгунами» или «Мусью-невесту» — Юлию Пастрану, женщину с бородой; бесстрашного шпагоглотателя, закусывающего проглоченные шпаги горячей паклей.

В свирепые морозные дни густое неподвижное облако пара стояло над тысячной массой людей, толпящихся

среди всех этих павильонов и киосков, палаток и каруселей.

Ларьки и палатки манили ребятшек турецкой халвой, жареными китайскими орешками, кавказскими сладостями, маковками, леденцами, горячим сбитнем. Крутились, взлетали выше деревьев перекидные качели, оглушительно вопили со всех сторон трубы, дудки, шарманки.

Немало шума было и от горластых разносчиков и продавцов всякого товара, бойко сновавших в толпе.

Громогласно и монотонно сопровождал старый инвалид показ своей панорамы такими стихами: «Уж как турки от наших доблестных войск бежали: медны пушки, сабли острые все растеряли»...

Были здесь и офени, торгующие лубочными картинками, конфетчицы, пирожники, продавцы тульских изделий, затейливо и громко расхваливающие каждый свое.

В разношерстной толпе никакого почтения к своей особе не чувствовал подгулявший купец, приехавший покрасоваться своим новым цилиндром, бровевой шубой, дорогой манильской «цыгаркой». Невообразимую суету затевали девочки и мальчишки, успевавшие за день отведать все возможные развлечения.

А над всем этим буйным, людным сборищем царил балаганный

дед — настоящий владыка веселья, народный шут и великий остроумец. Стариком этого артиста делала традиционная мочальная борода, скрывавшая молодое, хитрое и умное лицо.

В рифмованных монологах, длившихся иногда часами, дед-раешник высмеивал глупых модниц, самодуров-купцов, господ военных и непреходимую тупость чиновного мира. Доставалось при удобных обстоятельствах и коронованным особам. Среди балаганных дедов случались такие знаменитости, что даже в жгучий мороз послушать их приходили жители далекой Охты, Автова, Васильевского острова.

Это был спектакль, — настоящий талантливый спектакль, для тысяч зрителей, под открытым небом!

Кончалась шумная масленая неделя, кончалось разудалое веселье и, как волшебный сон, пропадали чудеса.

Разобраны на дрова стены балаганов, разъехались кто куда силачи и зеленохвостые русалки, уморительные комики и отважные акробаты. Надолго петербургскому трудовому люду запомнился зимний праздник, и певучий звон бубенцов, и хлесткие шутки раешника... И многие, должно быть, повторяли про себя: «Хоть год прожить, да ведать — знать, что маслена придет опять».

Художник Б. Семенов

Рисунки В. Василевича

НА ЛЕСНОЙ ДОРОГЕ

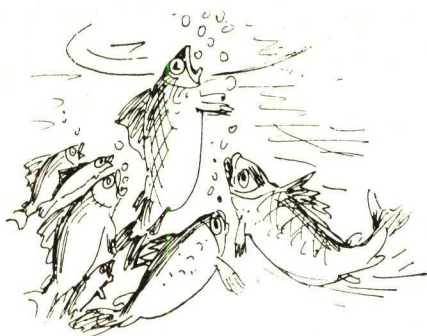
Алексей Пысин

Развесил бор шатер
у своего порога...
— Смотри, шофер,
лось вышел на дорогу!
Рога кустом,
рога, как ветки в росах:
«Чей это дом
кочует на колесах?
Как теремок!
Лишь окна без карниза,
и бьет дымок
не из трубы, а снизу...»
Автобус — рядом с ним,
автобус наш — как вкопан.

Мы с лосем говорим,
раздвинув стекла окон:
— Привет тебе, поклон,
стоящий на дороге!
Айда на стадион —
нам надо длинноногих!
Мы знаем, что ни дня
ты не провел без дела,
осенний лес храня
для рыжиков, для белых...
Везет нас на урок
автобус наш веселый, —
посторонись, браток:
опаздываем в школу!..

Перевел с белорусского В. Торопыгин

РЕЧКИНО ОКОШКО

Вон из проруби на речке
Пар идет, как дым из печки.
Что такое нынче тут,
Рыбы к проруби плывут?
Любопытная рыбешка
В прорубь — речкино окошко —
Бойко высунула нос:
— Как живется, Дед Мороз?

Сергей Скаченков
Рисунок Н. Муратова

8

Рисунок В. Звонцова

Вьюги, метели
под февраль налетели

Глава 5

ПЕТЯ
И ВЕРТОЛЕТ

— Мой папа летал на
вверхолете, — сказал
мальчик Ваня.

— Не на вверхолете,
а на ветролете, — сказала девочка Маша.

— Нет, на вертолете, — сказал Петя.

Петя был прав. Машина действительно на-
зывается вертолетом.

Глава 6

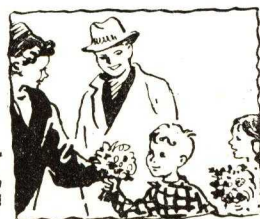
ПЕТИ И ТАНИА

Танина мама, цветоч-
ница, пошла обедать,
а Петя и Таня стали
торговать цветами.

— Дамы и дяди, купите цветы! — предлагал
Петя.

Покупатели подходили по двое. Каждый
покупал по букету, а потом обменивались
букетами, как будто дарили друг другу по
букету.

Таня делала букеты одинаковыми, чтобы
никому не было обидно.

А потом пришла Танина мама и увидела,
что все цветы проданы.

— Вы завтра будете обедать? — спросил
Петя у Таниной мамы.

— Буду, — ответила Танина мама.

— Вот и хорошо, — сказал Петя, — мы
завтра опять будем торговать.

Михаил Еремин
Рисунки К. Савкевич

КАК МУРАВЬИ ГРАМОТЕ УЧИЛИСЬ

Давно хотелось муравью учиться грамоте. Но
как это сделать?

И вот однажды он нашел коробку с пятью
спичками. Три он взял себе, а две дал това-
рищу. И стали они из спичек складывать буквы.

Как вы думаете, сколько разных букв мог
сложить тот муравей, у которого было две
спички? А сколько — его товарищ?

5

ПРЕДИСЛОВИЕ

„Уголек“ — очень маленький журнал. Но тем не менее „Угольку“ очень хотелось напечатать повесть. Мы долго искали самую маленькую повесть и наконец нашли. Эта повесть называется

ПРО ПЕТЮ

Глава I

ПЕТЯ И ПАРОХОД

Когда придумали пароход?

Пароход придумали давно, но Петя думает, что пароход еще не совсем придумали. Когда Петя вырастет, он придумает пароход окончательно.

Глава 2

ПЕТЯ И ВАНЯ

Петю обидел Ваня. Он показал Пете кулак из окошка.

Ванина мама не разрешила Ване пойти погулять.

Петя подумал: „Если бы Ванина мама разрешила бы Ване пойти погулять, он бы ударил меня своим кулаком“.

2

НИКОЛАЙ ДОБРЯКОВ

Евгения ГАЙ Феликс ЛЕВ
Рисунок Г. Ковенчука

Тожe мне, нашли какого —
Николая Добрякова!..

То и дело слышишь:

„Дай!“ —

Хоть ложись да помирай!

Дай им книжку почитать!

Дай им саблю подержать!

Дай картинки поглядеть!

Дай на санках посидеть!

Добряков-то Добряков,

Только нету дураков!

Дашь им книжку почитать —

Может корочка отстать.

Дашь картинку поглядеть —

Краски могут побледнеть!

6

Дашь им саблю подержать —
Могут кончик отломать.
Дай им то
И дай им это:
Прямо просят все подряд.
Посидеть им дашь на санках —
Прокатиться захотят!
Я-то добрый, знаю сам.
Может, дать им?..
Нет, не дам!

7

Глава 3

ПЕТЯ И БРАТ

Повел Петю старший брат в зоопарк.

Братья целый день простояли у водоема с тюленями. Решили, что завтра опять пойдут в зоопарк. Надо же и других зверей посмотреть.

Глава 4

ПЕТЯ И БАБУШКА

— Почему голова-стик, а не голохвостик? — спросил Петя у своей деревенской бабушки.

— А может быть, и голохвостик. Кто знает? — ответила бабушка.

3

ОСВОБОЖДЕНИЕ-ОТ ЧЕГО?

Уважаемый Борис Михайлович!

Уверенно прошу Вас освободить от занятий по физкультуре мою

Михаил Милз,
прошу освободить
его сына от физкультуры.
К. у меня сегодня
день рождения

Прошу Вас освободить от физкультуры
моего сына Милоу, т.к. он имеет
спина 6 12 см. и при этом не
Уважаемый Александр Борисович,
мой Вася брал целый день
катания на санях. Прошу Вас
убедительно, — не загрузите
его сегодня физкультурой.
Преданная

А. Шарымов

Вот что рассказал Борис Михайлович, учитель физкультуры одной из ленинградских школ.

— Если б я вел архив всяческих справок и записок, я бы мог составить целую таблицу методов увливания от уроков физкультуры.

Многие школьники, невзлюбившие почему-то физкультуру и просто-напросто сбегающие с уроков, поступают как кустари-недочка. Зато у других разработана «система»: одни приносят выключенные где-то справки, другие решаются даже на то, чтобы такие справки подделывать; третьи ссылаются на мнимую занятость домашней работой; четвертые предъявляют всяческие записки и просьбы от родителей (и поддельные и неподдельные). Одним словом, выдумка и инициатива, на которую тратят энергии больше, чем на самый урок физкультуры, бьет, как говорится, ключом...

— Вот взгляните-ка, — сказал Борис Михайлович, протягивая какой-то клочок бумаги.

«Дорогой Борис Михайлович! Очень прошу Вас, освободите, пожалуйста, сегодня Лену от вашего урока. Ей с утра нездоровится...»

Дальше следовала подпись, которую мы здесь не приводим, потому что не хочется нам сейчас называть полностью имя означенной Лены.

— Записочка, казалось бы, самая обычная, — сказал Борис

Михайлович, — а история у нее долгая...

Когда я впервые познакомился с Леной, она сразу же сказала мне, что физкультурой заниматься не будет. Что она любит музыку, а спорт и музыка — совсем разные вещи. «Ну и хорошо, что разные, — говорю. — Односторонний специалист подобен флюсу». Не слушает. Я решил: ну, ладно, уговаривать не буду, потом, может быть, сама поймет. Для примера рассказал о Толе Степанове, Ленином же соученике. Он до пятого класса тоже спортом никаким не занимался: был слабенький, потому что в детстве переболел полиомиелитом. А потом я его затянул в баскетбольную команду — и просто на глазах парнишка переменялся: и вырос, и руки стали крепче, и прыгает отлично. В прошлом году с командой в Артек ездил. Но на Лену все-таки рассказ никакого впечатления не произвел. По-прежнему она не проявляла интереса к спорту. Однажды ее мама пришла. Я говорю: «Давайте вместе влиять на Лену». Вроде бы — договорились. А потом — история с этой запиской. Я к маме: как же так? Оказалось, что Лена так сумела переубедить свою маму, что та из соратницы стала моим ярым противником. Даже откровенно призналась: «Я эту записку нарочно написала, потому как Лену все эти уроки просто расстраивают...»

Д. Хайнес, известный американский тренер, вырастивший,

в частности, рекордсменку мира по плаванию Крис фон Зальца, написал недавно: «Если бы я столько времени проводил в бассейне, сколько провожу в кабинете за долгими и упорными беседами с родителями, то уверен — уже сейчас бы я имел в своей школе раз в пять больше чемпионов».

Одни родители боятся, будто спорт помешает ребятам хорошо учиться. На VII Спартакиаде школьников в Волгограде тренер московской команды прыгунов в воду рассказал мне, сколько сил потратил он на то, чтобы уговорить папу и маму Гали... разрешить ей ходить на тренировки. Потом только они поняли, что Гале совсем не помеха в ученье прыжки в воду. Наоборот! Она стала круглой отличницей.

Другие родители просто с раннего детства привыкли «трястись» над своими ребятами. Свежий воздух, энергичные, быстрые игры для них что-то вроде пугала: а ну как простудится Коля или Вера? А ну как кто-нибудь их, бедных, толкнет нечаянно?..

Ну, а сами-то беглецы от физкультуры? Откуда у них такая нелюбовь к спорту?

КАК ДУМАЕШЬ ТЫ, ЧИТАТЕЛЬ?

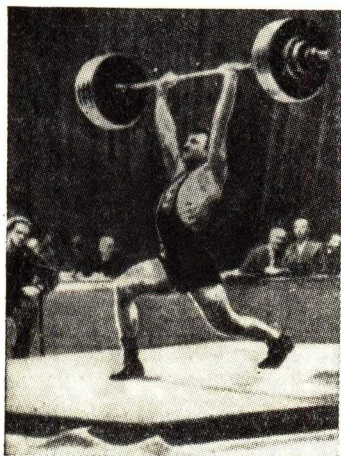
А если ты убегаешь с уроков физкультуры? Переверни страницу — фотографии заставят тебя покраснеть!

Владимир БУЛАТОВ после неудачного прыжка с шестом сломал ногу. Спортсмен упорными тренировками вернул себе отличную форму.

АЛЕКСЕЙ БАЛТОВСКИЙ, на отборочных соревнованиях сильно повредил руку. Это была левая рука, на которую при броске ложится нагрузка до 200 килограммов. Балтовский все же выступил на чемпионате Европы и занял почетное второе место.

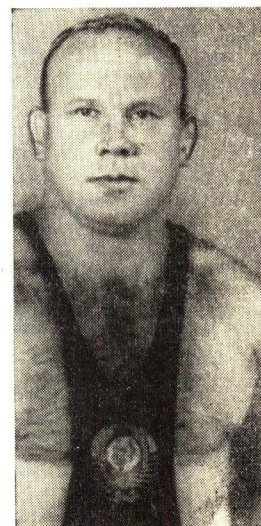
РУДОЛЬФ ПЛЮКФЕЛЬДЕР, золотой призер Токийской олимпиады, в детстве страдал тяжелым пороком сердца. Посоветовавшись с врачами, он подлечил себя, а затем добился замечательных успехов в «железной игре».

ВИЛМА РУДОЛЬФ. В детстве так сильно болела (у нее был полиомиелит), что уже почти взрослой ей пришлось заново учиться ходить, потом она научилась бегать, потом — бегать лучше всех!

Даже настоящие инвалиды, страдающие неизлечимыми недугами, стремятся к спорту. На снимке, взятом из «Курьера» ЮНЕСКО, вы видите одного из победителей специальных параолимпийских игр. У этого человека нет обеих ног.

ИОГАНЕС КОТКАС, метатель диска, борец. Однажды в схватке с очень сильным противником Коткас сломал ребро. Он мог отказаться от борьбы. Он не ушел — и выиграл!

КТО ДОБЬЕТСЯ УСПЕХА?

БЕСЕДА ТРЕНЕРА

Если в нашей школе начнут занятия 30 тысяч школьников, это, конечно, не значит, что организаторы олимпиады 1972 года выдадут 30 тысяч медалей.

Но огорчаться не следует. Стать чемпионом своей школы, дружины, района — тоже большая честь.

Я уже не первый десяток лет работаю с бегунами на короткие дистанции. Среди моих воспитанников — одиннадцатикратный чемпион страны по спринту Эдвин Озолин.

Эдик приобщился к спорту уже лет с десяти, а в шестом — седьмом классах не только регулярно тренировался, но и выступал на крупных состязаниях. Когда Озолин вырос, он стал рекордсменом нашей страны, пробежав 100 метров за 10,2 секунды!

Большой опыт тренерской работы привел меня к выводу, что причинением исключительно высокому уровню результатов добиться успеха в спорте может лишь тот, кто приходит на стадион в школьные годы.

Но с чего следует начинать? Как тренироваться школьнику?

Прежде всего, не надо спешить с выходом на беговую дорожку. Лучшая форма тренировки в детском возрасте — подвижные игры. Обычная русская лапта, например, будто специально придумана, чтобы развивать у начинающего спортсмена быстроту, выносливость, лов-

кость. Этому же прекрасно служат и такие широко распространенные игры, как казаки-разбойники, пятнашки.

Исключительно полезны для юных легкоатлетов дальние туристские путешествия, вылазки за грибами и ягодами. Во время таких походов рекомендую побегать в лесу по мягкому мху. Советую также подолгу бегать по сухому сыпучему песку на пляжах. А зимой — по снегу. Это очень укрепляет ноги.

Зимой побольше катайтесь на коньках и ходите на лыжах.

С этого и надо начать.

В. В. Атаманов, заслуженный тренер СССР

УПРАЖНЕНИЯ СПРИНТЕРА

1. Размахивание свободными руками вперед — назад. После трех-четырех махов руки сгибаются в локтевых суставах и максимально быстро производятся движения, как при беге.

Ноги расположены на ширине плеч, стопы параллельны, туловище чуть-чуть наклонено вперед. Упражнение нужно повторить четыре-пять раз с небольшими паузами.

2. Бег в упоре с различной частотой движений. Слегка наклонив туловище, руками упереться в подоконник. Поднять колено одной ноги до уровня груди. Затем сменить ноги. Сначала медленно, затем быстрее и быстрее. Все это делать пять-шесть раз, добиваясь максимально возможной быстроты. Голову держать прямо, смотреть перед собой.

3. Сесть на край стула. Спина прислониться к спинке стула. Ноги выпрямить. Прямые ноги поднять чуть выше уровня сиденья и опустить обратно 5—10 раз.

4. Глубоко присесть. Резко выпрямиться. После четырех прыжков отдохнуть и вновь повторить упражнение.

5. Пружинистые подскоки. Толкаться обязательно стопами. Туловище и руки расслаблены. При подскоках разбрасывать ноги, меняя все время их положение: вместе — врозь, вперед — назад.

Б. Ф. Щенников, заслуженный тренер РСФСР

Бегаете ли вы?

Трижды олимпийская чемпионка, мировая рекордсменка Тамара Пресс: КАК ЖЕ НЕ БЕГАТЬ!

Бежать или нет — такого вопроса для меня никогда не существовало. Еще в Самарканде, когда я была пионеркой, я никак не могла усидеть на одном месте. Именно желание бегать привело меня в школьную легкоатлетическую секцию.

Пристрастие к бегу не пропало у меня и сейчас, когда я стала обладательницей рекордных достижений и чемпионских титулов. И, хотя мои основные специальности — метание диска и толкание ядра, каждую свою тренировку я начинаю с пробежки.

И, конечно, если бегать, то уж быстро! Я всегда охотно выступала в спринте. Уже будучи мировой рекордсменкой по ядротолканию, я однажды участвовала в международных состязаниях в эстафетном беге 4 × 100 метров. Свою команду я не подвела: в единоборстве с немецкими спортсменками мы заняли первое место.

Архивариус и его друзья собрались в своем уголке, и каждый рассказал по одной военной истории

ПАЛАШ И ВИЛЫ

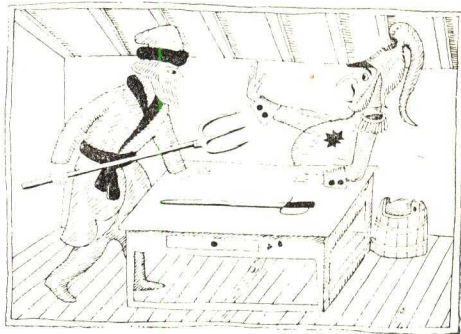
Когда войска Наполеона вторглись в Россию, один из французских батальонов остановился на ночлег в деревне Касьяновке на Смоленщине. В избу старосты Ипата Овчинникова вошел нагловатый лейтенант и положил на стол огромных размеров палаш. Захватчик считал, что этим он напугает хозяина и, усевшись на скамью, стал ждать угощения.

Ипат, не говоря ни слова, вы-

шел в сени и вскоре вернулся оттуда. В руках у него были здоровенные вилы. Он положил их рядом с палашом.

Перепуганный наглец вскочил со скамьи и, втянув голову в плечи, попытался к двери.

Нешто не будешь ужинать, мусью, — пробасил вдогонку Ипат, — а я уж к твоему ножу и вилку принес.

ДЕЗЕРТИР

Разгромленный Кутузовым Наполеон, бросив свою армию на произвол судьбы, поспешно удирал на запад. Только у пограничной реки Неман он отважился вылезти из обшарпанных саней, чтобы перевести дух. Старый крестьянин-паромщик взялся переправить «завоевателя» через реку.

Когда русский берег скрылся в тумане, Наполеон приосанился и строго спросил перевозчика:

- Скажи, старик, много ли французских дезертиров переправилось здесь?
— Нет, сударь. Вы первый, — серьезно ответил крестьянин.

20 ПРИЧИН

Преследуемый русскими войсками, Наполеон с трудом добрался до родины. На границе Франции никто не устроил ему ожидаемой пышной встречи. В гневе вызвал он бургомистра пограничного городка.

— Почему Вы не приветствуете своего императора орудийным салютом?! — грозно спросил Наполеон.

У нас для этого два десятка причин, Ваше Величество, — сказал бургомистр.

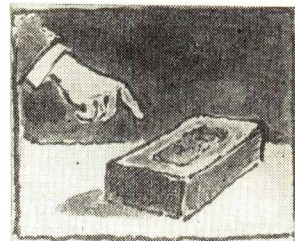
— Какие же?

— Во-первых, у нас нет пушек, во-вторых...

— Благодарю. Этого вполне достаточно, — прервал бургомистра вконец раздосадованный Бонапарт.

А известный коллекционер Митя Мохов показал свою новую находку.

— Обыкновенный кирпич! — воскликнули в один голос Архивариус и его друзья.

— Не совсем. Скорее это не кирпич, а своеобразный вид оружия. В начале первой мировой войны такими кирпичами запасались французские военные летчики перед полетом. Когда в воздушном бою им удавалось оказаться над самолетом противника, они лихо метали кирпичи вниз, стараясь угодить в пропеллер немецкого аэроплана. В военных сводках тех времен я прочел, что воздушный флот Германии потерял в результате «кирпичных атак» два самолета.

ОПЕРАЦИЯ „КОСТЕР“

Правила военной игры

(Смотри 4 страницу обложки)

В игре участвуют 12 фигур с каждой стороны: самолет (1), артиллерийские батареи (2), танки (2), разведчик (1) и различные войсковые подразделения пехоты: отделения (2), взводы (2), рота (1), батальон (1).

Перед началом игры каждый расставляет свои фигуры на нижней горизонтали в произвольном порядке, и только самолет ставится обязательно на аэродром. Цель игры — занять опорный пункт противника (красный кружок) любой из фигур войсковых подразделений. Занятие этого пункта другой фигурой (так же, как и обстрел его или бомбардировка) — танком, батареей и пр. — не означает выигрыша партии.

Фигуры передвигаются по прямым линиям сетки, останавливаясь на пересечениях, а самолеты и разведчики могут передвигаться наискосок, по диагоналям, которые на карту не нанесены.

За один ход играющий может передвинуть все фигуры одного разряда (например, оба танка, или обе арт. батареи, или шесть фигур пехоты и т. д.), а кроме того — сделать ход разведчиком.

Самолеты

За один ход самолет можно передвинуть на 10 клеток в любых направлениях (в том числе и по диагоналям), но если при этом самолет не возвратится на свой аэродром, он выходит из игры.

За каждый свой вылет самолет может один раз «сбросить бомбы», уничтожив по своему выбору одну из фигур противника, над которыми он пролетает.

Можно перебазировать самолет — перевести его на аэродром в центре поля, но при условии, что одна из точек этого аэродрома предварительно будет занята вашим подразделением.

На аэродроме самолет может быть уничтожен любой фигурой противника (кроме разведчика).

Батареи

За один ход батарею можно передвинуть по прямым линиям на одну клетку в любом направлении и еще произвести залп по цели, оказавшейся на занятой батареей линии в пределах дальности артиллерии (не далее шести клеток), уничтожив ее.

Если батарея заняла позицию, позволяющую вести огонь сразу по нескольким целям (впереди, справа, слева, сзади), то один залп уничтожает все эти цели.

Цели, находящиеся в лесу или за возвышенностями, не поражаются, если арт. батарею не корректирует разведчик (см. раздел «Разведчики»).

По условиям игры считаются недоступными для артиллерии фигуры, «заслоненные» другими фигурами — своими или чужими.

Залп можно произвести и не делая передвижений — в случае, если противник сам вступил на обстреливаемую линию, а ход — ваш. Но такой залп равносителен ходу: сделав его, можно затем передвинуть батарею и пойти другой батареей и разведчиком, но остальные фигуры двигать уже нельзя.

Танки

За один ход танк можно подвинуть по линиям на четыре клетки в любых направлениях (то есть, можно двигаться и «зигзагом»).

Танк может уничтожить любую фигуру противника, заняв ее место на карте, но только одну за один ход: если танк в начале движения уничтожил фигуру противника, то, заканчивая передвижение, он должен обходить фигуры противника.

Танки не могут переходить горы и не производят операций в лесах — по условиям игры пехота, укрывшаяся в лесах, для танка неуязвима.

Разведчики

Независимо от передвижения остальных фигур, за каждый свой ход можно передвинуть разведчика на одну клетку в любом направлении (в том числе и по диагоналям). Для него нет непроходимых препятствий: он проходит и горы, и леса.

Из фигур противника разведчик может уничтожить только разведчика же (заняв его место на карте). В свою очередь он может быть уничтожен также разведчиком или любым подразделением противника, остальные фигуры — танки, артиллерия, самолет — разведчика не уничтожают.

Разведчик облегчает боевые операции:

а) пехота противника, укрывшаяся в лесу, может быть уничтожена артиллерией, если ваш разведчик «корректирует огонь» — стоит на одной горизонтали с обстреливаемой пехотой,

б) противник обязан сообщить вам «достоинство» фигур войсковых подразделений, когда ваш разведчик находится на занимаемой ими горизонтали (см. раздел «Пехота»).

Пехота

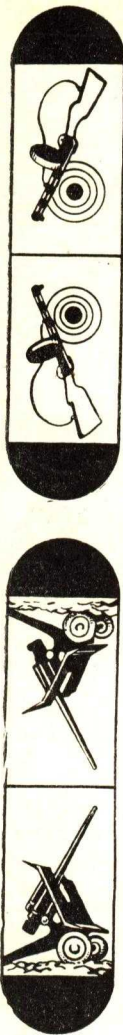
В игре участвуют различные подразделения: отделения (2), взводы (2), рота (1) и батальон (1).

Все эти фигуры передвигаются по прямым линиям на одну клетку в любом направлении. Они могут уничтожить любую фигуру противника, заняв ее место на карте, но, как правило (при встрече «один на один»), не могут уничтожить более крупное войсковое соединение.

«Достоинство» фигуры пишется на ее донышке и противнику неизвестно вплоть до боевого соприкосновения: в этот момент (т. е. когда фигуры будут находиться на соседних точках) каждый играющий должен сообщить достоинство своей фигуры; тот, кому принадлежит ход, может либо уничтожить противника, заняв его место на карте (если его фигура сильнее или если они равноценны), либо отступить (если его фигура слабее), чтобы противник, получив право хода, не снял его фигуру.

Силу подразделений противника можно узнать и заблаговременно, с помощью разведчика, так как парт-

нер обязан «раскрыть» значение фигур, находящихся на одной горизонтали с вашим разведчиком — это делается либо в момент вступления фигур на занятую разведчиком горизонталь, либо в момент вступления разведчика на эту линию.

Взводам и ротам следует избегать «окружения»: взвод, вошедший в боевое соприкосновение сразу с двумя отделениями противника, не может уничтожить ни одно из них, но может быть уничтожен ими (при этом одно из них, произвольно выбираемое, занимает на карте место взвода). Это относится и к роте, попавшей под одновременный удар двух взводов.

Занятие опорного пункта противника (красный кружок) любой из фигур пехоты противника означает выигрыш партии.

Как сделать фигуры

Перерисуйте фигуры сначала на кальку, а потом на плотную бумагу. Сделайте два комплекта фигур разного цвета (например, желтые и голубые). На донышко фигур пехоты не забудьте нанести буквы: Б — батальон, Р — рота, В — взводы, О — отделения.

Играть можно и командами, назначив в каждой команде старшего и поделив обязанности.

В. Акентьев

ЧЕТЫРЕ ПЛАКАТА ИЗ ТЫСЯЧ

Оружие бывает разное. У одних автомат и ракета, у других кисть и карандаш.

Владимир Маяковский, не только поэт, но и активнейший художник, нарисовавший в 1919—22 годах огромное число так называемых окон РОСТА, говорил, что они «протокольная запись труднейшего трехлетия революционной борьбы, переданная пятнами красок и звоном лозунгов». Часто то или другое важное сообщение, полученное телеграфистками Российского телеграфного Агентства, уже через 40 минут превращалось в многокадровый яркий плакат. Один такой плакат, посвященный борьбе против белополяков, вы видите на соседней странице.

Окна РОСТА, при всех своих достоинствах, имели максимальный тираж всего в 100—150 экземпляров. Этого, конечно, было недостаточно даже для одной Москвы. Поэтому одновременно выпускались плакаты, напечатанные в типографиях, на полиграфических печатных машинах, и тираж их был уже десятки и даже сотни тысяч.

Плакат «Ты записался добровольцем?», созданный в 1920 г. крупнейшим плакатистом нашей страны Д. Моором, принадлежит к шедеврам мирового плакатного искусства. Исключительно простой по композиции и вместе с тем необычайно выразительный плакат призывает всех людей встать на защиту республики и выполнить свой долг перед отчизной.

В годы Великой Отечественной войны появилось особенно много произведений, посвященных советскому воину. Один из них — «Разгромим и уничтожим врага!» — принадлежит кисти группы художников, вошедших в историю советского изобразительного искусства под именем Кукрыниксов (Куприянов, Крылов, Николай Соколов). Плакат был создан и появился в Москве, а затем и в других городах Советского Союза уже через несколько дней после начала войны.

И сейчас, когда мир и труд нашей страны самоотверженно охраняют солдаты нашей доблестной Армии, художники продолжают обращаться в своем творчестве к полюбившейся им теме. И не солдат с винтовкой смотрит теперь с плакатов. Теперь это воин, вооруженный самым современным оружием. Зорко сражается он рубежи нашей необъятной Родины и всегда готов дать отпор любому агрессору. Таким выглядит плакат художника А. Доброва, выпущенный совсем недавно.

Искусствовед Ю. Романов

САМЫЕ ВНИМАТЕЛЬНЫЕ ЧИТАТЕЛИ 1964 ГОДА

Таких оказалось очень много... Письма с ответами на карнавальную загадку Деда Мороза стали приходить в редакцию с середины декабря и идут до сих пор. Первыми ответы прислали Ира Антипова (Днепропетровск), Вова Барбашин (Липецк), Света Боровская

(Калининград), Валя Веремеева (Ленинград), Люба Вострухина (Черкесск), Валя Казаков (Ижевск), Галя Козий (Нальчик), Оля Петухова (Удмуртская АССР), Нина Пилизина (Удмуртская АССР), Марина Хохлова (Ижевск).

На обложке рисунок В. Гальбы
На третьей вклейке рисунок Т. Ксенофонтова
На четвертой вклейке рисунок Ю. Мезерницкого
На четвертой странице обложки рисунок В. Свешникова

Редактор В. В. Торопыгин

Редакционная коллегия: Т. А. Куценко, Б. Н. Никольский, С. В. Обручев, А. И. Пантелеев, А. Ф. Пахомов, Е. В. Серова, Н. В. Тербинская (ответственный секретарь), А. В. Успенский, Н. А. Ходза, Г. М. Чернякова, Ю. А. Юркан (зам. редактора)

Художник-редактор
Ю. П. Мезерницкий
Корректор В. А. Маевская

Технический редактор
А. А. Двораковская

Адрес редакции: Ленинград, С-15, Таврическая, 37, телефон А-4-57-76

М-12518
Тираж 300 000 экз.

Подписано 15/1 1965 г.

Формат 84 × 108^{1/16}
Зак. № 943.

Печ. л. 8+1. 6,57 усл. печ. л.

8,8 уч.-изд. л.
Цена 25 к.

Ленинградская типография № 2 имени Евгении Соколовой Главполиграфпрома Государственного комитета Совета Министров СССР по печати. Измайловский проспект, 29.
Обложка и вклейки отпечатаны на 1-й Ленинградской фабрике офсетной печати.

